

Максим Михайлов

*Не ходите, дети,
в Африку гулять...*

Сирота Таня

Максим Михайлов

Страна Тантала

«Станислав Щербаков»

2018

Михайлов М.

Страна Тантала / М. Михайлов — «Станислав Щербаков», 2018

Черная экваториальная Африка до сих пор остается самым малоизученным местом на Земном шаре. До сих пор жизнь там идет по древним непредставимым для белого человека правилам и законам. Таятся в глубине густых тропических джунглей дикие племена самых настоящих людоедов, поклоняются кровожадному богу-Крокодилу местные колдуны, прячутся под сенью девственных лесов страшные тайны. И здесь же ведется добыча ценнейших ископаемых, без которых немислима современная электроника, делаются миллионные состояния и идет неухающая гражданская война всех против всех. Двое наших соотечественников в Черной Африке. Офицер-наблюдатель миссии ООН и боец-наемник транснациональной корпорации. Что ждет их на диком континенте?

© Михайлов М., 2018

© Станислав Щербаков, 2018

Содержание

Кигани	5
Полигон, дорога в Африку	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Максим Михайлов

Страна Тантала

Кигани

Из лагеря выходили еще затемно, причем затемно хорошо, утро только начиналось, даже по меркам диких обитателей джунглей, а уж для человека цивилизованного час и вовсе был неприлично ранний. Бледно-желтая луна огромным ярким блином висела над самым горизонтом, и в ее призрачном свете все окружающие предметы казались странными и непривычными, будто расплывающимися в вязкой туманной дымке. Легкий предутренний ветерок беспорядочно комкал поднимающиеся от джунглей и ползущие вверх по склону седые туманные космы. Побледневшие звезды таяли в светлеющей на глазах небесной сини, а восточный край горизонта уже вовсю наливался розово-алым, предвещая скорый восход солнца.

Бесплотными призрачными тенями десять белых и пятеро чернокожих молчаливой цепочкой скользнули по узкой вьющейся между утопающими в высокой траве валунами тропинке вниз с голого открытого всем ветрам плоскогорья к темнеющим вдали джунглям. Максим осторожно топал в середине цепочки, внимательно глядя под ноги, сейчас главной задачей было не оступиться на крутом склоне, не попасть ступней в укрытую травой выбоину или на непрочно лежащий камень. Для него это был первый выход в окружающие лагерь настоящие первобытные джунгли, и он невольно улыбался, предвкушая целое море впечатлений от встречи с подобной экзотикой. И то, стыдно кому рассказать, он уже месяц находится в самой загадочной и привлекательной для искателей приключений стране Экваториальной Африки, а настоящие джунгли видел лишь с борта легкой одномоторной «Сессны», доставившей его в лагерь вместе с очередной партией груза.

В тот раз он буквально прилип к окнам пилотской кабины пораженный грандиозностью расстилающейся внизу картины: весь оком, куда ни глянь, был заполнен буйной зеленью тропической растительности, волнующейся, будто морские волны под легким, налетающим с маячивших вдалеке горных вершин ветром. Макс невольно почувствовал себя маленьким и слабым, одиноко затерянным среди этого колышущегося под дюралевым бортом легкого самолета марева, лишь сейчас воочию увидев и осознав все величие древнего, оставшегося неизменным с того времени, когда человека еще и в помине не было на этой планете мира. И он сам, и вечно жующий жвачку пилот в соседнем кресле, и весь их самолет были просто невидимыми глазом песчинками на фоне бескрайнего леса поднявшегося здесь с изначальных времен и мрачно взирающего снизу на ничтожную серебристую стрекозу, нарушающую его сонный покой.

– Что проняло, братуха? – радостно осклабился пилот, толкнув его в бок согнутым локтем. – То-то же, это тебе не чахлые подмосковные рощицы, которые вы по недоразумению лесом зовете! Вот она Черная Африка! Можешь поздороваться!

– Да уж... – только и смог из себя выдавить потрясенный Максим. – Зрелище, конечно не для слабонервных... Как ты только здесь дорогу находишь?

Пилот разразился хриплым карканьем долженствующим означать смех и вместо ответа ткнул пальцем в мутную желто-коричневую ленту рассекавшей джунгли реки.

– Вот по ней и летаю, так чтобы была по правую руку. Да и привык уже, чай не первый год здесь. Думаю, и с закрытыми глазами мог бы рейс сделать!

– И как вам... тебе? – робко спросил Максим.

Пилот на вид был его ровесником, но держался с ним как-то покровительственно, будто ветеран с новичком, так что Макс никак не мог решить для себя, допустимо ли называть его на «ты».

– Что как? – не понял пилот.

– Ну, как вообще? Африка, работа, все...

– Дерьмо, – кратко отплюнулся через губу летчик, что-то высматривая в бегущих в каких-то паре десятков метров под ними верхушках деревьев. – Впрочем, как везде. Это ведь только кажется, что уехал в другую страну, а там другая жизнь. Ни хрена! Жизнь везде одна и та же – дерьмовая.

Макс покивал, в душе соглашаясь.

– Меняются лишь декорации, – неожиданно философски выдал пилот. – А пьеса идет всегда одна и та же.

Макс, пораженный такой содержательной мыслью, вдруг прозвучавшей из уст человека, о котором он уже составил для себя мнение, как о тупом и ограниченном наемнике, которого волнуют лишь размеры причитающихся ему выплат, взглянул на пилота внимательнее и поразился вдруг происшедшей в нем перемене. Уже ставшее привычным ехидно-глумливое выражение его небритой физиономии вдруг куда-то пропало, теперь рядом с Максимом сидел просто несчастный смертельно усталый человек, которому уже давно надоели и эти полеты, и Африка, и вообще вся эта, пусть полная экзотики и приключений, но такая бестолковая, раздерганная по кусочкам жизнь. Макс вдруг совершенно ясно понял, что пилот вовсе не его ровесник, а как минимум раза в два старше, просто наигранная бодрость в общении, легкость поджарой мускулистой фигуры и постоянно вертящиеся на языке высмеивающие окружающих словечки, создавали обманчивое впечатление молодого задора и брызжущей через край кипучей жизненной энергии, затмевая собой все остальное. Сейчас же, когда все искусственное, наносное исчезло, стали видны и глубокие по-стариковски печальные глаза, и частая сетка морщин вокруг них, и щедро расплескавшаяся в коротком ежике волос седина. Однако навязание продолжалось недолго, летчик резко, будто отмахиваясь от чего-то невидимого, тряхнул головой и, громко прищелкнув языком, привычно криво ухмыльнулся.

– Дерьмо, дерьмом короче жизнь на африканском континенте у рязанского хлопца! Но помяни мое слово, то дерьмо, в которое вляпался ты раз в пять ароматнее моего. Я-то хоть основное время провожу в более-менее цивилизованном городе, а вот тебе теперь никаких жизненных удобств не видать до конца контракта. Плюс полный набор местных достопримечательностей от малярии, до москитов. Впрочем, все сам увидишь, все равно за час много не расскажешь, так что и стараться не стоит. Пусть сюрпризом будет!

Он, конечно, оказался прав, сюрпризов впереди Максима ожидало просто немеряно. Та Африка, в которую он попал совершенно не походила ни на то, что показывали по модным познавательным каналам, ни на прочитанное в книгах, ни на увиденное в кино и уж чего, чего, а неожиданностей, в основном неприятных вокруг оказалось с лихвой.

«Сессна» круто свалившись на нос, нырнула вниз к расчищенной от растительности полосе. По мнению Макса, имевшего правда довольно смутные познания в авиации, полоса была все же слишком короткой и какой-то несерьезной, в плане оборудования, просто утрамбованная и очищенная от растительности земля, ни тебе бетона, ни посадочных огней, ничего... Он сильно сомневался, что на такое импровизированное покрытие можно посадить самолет избежав аварии. Однако летчик оставался совершенно невозмутимым, и уже через несколько секунд крылатая машина с живостью кузнечика запрыгал по ямам и кочкам, резво направляясь прямо к стене исполинских деревьев, которыми заканчивалась примитивная взлетка. Макс инстинктивно зажмурился, понимая, что произошла какая-то ошибка и вот сейчас они на полной скорости врежутся в эти огромные в несколько обхватов стволы, а легкий металл обшивки от столкновения прогнется внутрь, плюща и разрывая хрупкие человеческие тела оказавшиеся

в кабине. Он весь сжался, приготовившись к удару, но его так и не последовало, несколько раз простужено чихнув двигателем, самолет замер, не добежав до края полосы всего несколько десятков метров.

– Ну что, намочил штаны, дикий гусь?! – гоготнул летчик, хлопая по плечу, еще не верящего в то, что все обошлось благополучно Макса. – Вылезай, конечная остановка! Здесь их взлетная полоса, а до самого прииска еще километра два. Ближе удобного места не нашлось. Ничего, сейчас встречающие подъедут.

Макс с неподдельным интересом огляделся вокруг. Еще бы, ведь здесь ему предстояло безвылазно провести следующие полгода, а может быть и дольше, и единственной ниточкой связывающей его с цивилизацией будет эта самая «Сессна», раз в неделю прилетающая, чтобы забрать добытый на прииске груз и забросить живущим здесь продукты и медикаменты.

На прииске добывали танталит, он даже удивился, когда узнал об этом, в его понимании прииск подразумевал собой добычу золотого песка, ну на худой конец алмазов, а тут какая-то металлическая руда. Стоило огород городить. Однако вербовщик лишь тонко улыбнулся в ответ на его скептический настрой: «Друг мой, будущее за промышленными металлами, а отнюдь не за драгоценными. Уже сейчас без тантала в мире не обойтись. Он везде: в конденсаторах и полупроводниках мобильных телефонов и ноутбуков, в сверхпрочных сплавах, в медицинских нитях для шивания нервной ткани... Везде! И применяется все шире и шире. А добывают его лишь в Сибири и Австралии. И добыча там связана с огромными затратами. А здесь, в Киву, грязные вонючие ниггеры просто выковыривают из земли руду лопатой, а затем промывают ее в железном тазу. Никаких тебе расходов, одни сплошные доходы. При местной нищете, черные согласны вкалывать по двенадцать часов в сутки без выходных за двадцать долларов в месяц. Понимаешь? При этом объем добычи нашего прииска сравним с австралийскими рудниками, а порой даже превышает их. Вот так то. Потому тебе и предлагают такие деньги, за охрану».

По разбитой грунтовке к месту посадки уже катили три джипа размалеванных яркими камуфляжными пятнами, на головном был укреплен турельный пулемет.

– Вон уже твои коллеги катят, – прокомментировал пилот, щелкая зажигалкой.

По кабине поплыл табачный дым, забывая тяжелый пряный аромат тропического леса, волнующе щекотавший непривычный нос Макса.

Маленькая колонна тем временем вкатилась на взлетку. Причем в джипах Максим с немалым удивлением опознал родные отечественные УАЗы со снятыми брезентовыми тентами. На переднем отчего-то даже до сих пор болтался белый прямоугольник номерного знака с привычным российским триколором и цифрой 63. Что это за регион Максим не сообразил, но явление столь будничного транспорта в далекой экзотической стране расположенной в другой части света само по себе показалось ему нелепо гротескным и нарочитым. Уж чего-чего, а такой вот встречи он совершенно не ожидал. «А чего ты собственно хотел? – тут же мысленно одернул он самого себя. – Чтобы встречали чернокожие дикари, завернутые в леопардовые шкуры, под ритуальные танцы и бой тамтамов?» Тем временем УАЗы, подняв целое облако плотной красноватого цвета пыли, остановились у самого борта раскинувшей в стороны крылья «Сессны», и из них начали выпрыгивать одетые в такую же пеструю, темно-зеленую в ярко-желтую полосу, как окраска машин, форму, люди.

– Митрич, бегемотова задница! Вылезай, дай я тебя поцелую в лысину! – в полный голос заорал, здоровенный детина, выпрыгнувший с переднего сиденья головной машины.

– Целуй лучше в задницу, раз уж она так тебе нравится, что ты через слово ее поминаешь! – гаркнул в ответ, сложив ладони рупором, пилот. – А вообще, веди себя поприличней, я тут пополнение тебе привез, так что не пугай сразу парня своими гомосекскими замашками.

– Ишь, орел! Гомосеки ему не нравятся! – возмутился детина, развернувшись к своим спутникам и как бы призывая их в свидетели вопиющей несправедливости. – Сам, значит, око-

пался в Кигали, в чистеньком отеле с проститутками под боком, а от наших порядков теперь нос воротит! А нам, бедолагам, что прикажешь делать? До ближайших девочек пара сотен километров по джунглям, не обезьян же трахать, в самом деле! Вот и приходится как-то выходить из положения, да Компостер?

С этими словами он попытался чмокнуть в щеку задумчиво дергавшего туда сюда рычаг переключения передач водилу.

– Пошел ты, чумоход! От тебя скоро и, правда, гориллы шарахаться будут! – отпихнул тот здоровяка. – Митрич, следующим рейсом закинь ему сюда бабу резиновую, мы с пацанами скинемся, оплатим, а то достал уже вконец. Только смотри, чтобы резина прочной была, а то не выдержит.

– Хорошо, я ему специально закажу, из старых покрышек, пусть тыкает сколько влезет! – довольно оскалился пилот. – Ты как, Слоняра, к покрышкам относишься?

– О-о! У них такие сексуальные пупырышки! – сладострастно закатил глаза здоровяк.

Окончания фразы Макс не расслышал, поскольку оно потонуло в громком гоготе десятка глоток. Решив, что пора уже и самому появиться на сцене, он решительно дернул дверцу кабины и пружинисто прыгнул в примятую, покрытую пылью траву взлетки. Теперь он мог хорошенько рассмотреть встречавших. Во всех трех УАЗах на передних сидениях оказались крепкие белые парни примерно одинакового возраста, лет по тридцать, одетые в пестрый камуфляж, изукрашенный тигриными полосами, в руках или на коленях у всех обманчиво небрежно дремали автоматы Калашникова. На задних сиденьях машин разместилась куда более колоритная публика – весело скалящие крупные невероятно белые по контрасту с темно-шоколадной кожей лиц зубы негры. Вот тут в одежде царило самое потрясающее разнообразие, спортивные штаны, когда-то бывшие яркими, а ныне выгоревшие почти до полной белизны на солнце майки, а на одном особенно мускулистом негроиде оказался даже невероятно грязный кашемировый клубный пиджак, правда, с оторванными на манер жилетки рукавами.

– О, новичок! – первым отреагировал на появление Максима, названный Слонярой, здоровяк. – Ходи сюда, дорогой! А вы чего расселись, Лумумбы?! Разгружать я, что ли должен? А? Ну, метнулись, бегом, гуталины! Резче, резче!

Все так же жизнерадостно скалясь, негры повыпрыгивали из машин, направляясь к самолету. Вскоре они, образовав что-то вроде конвейера, уже перекидывали друг другу, привезенные мешки и ящики с продуктами, что-то выкрикивая на своем птичьем языке.

Макс неспешно направился к головному УАЗу, стараясь всем своим видом показать, знающего себе цену, опытного вояку. Однако под этой маской, как обычно и бывает, скрывались страх и неуверенность. Для Максима это был первый контракт в роли наемника, он понятия не имел, как принято себя держать у людей этой профессии, как с ними общаться, и каким образом вообще можно добиться их уважения, потому сейчас отчаянно трусил, боясь сделать что-нибудь не то и не так.

Однако все его опасения оказались беспочвенны. Встреча прошла предельно просто и буднично, словно в каком-нибудь туристическом лагере, или на случайно собравшейся вечеринке.

– Витоха, – протянул огромную лопатообразную ладонь здоровяк. – Можно, Слон. Здешний зампотыл, но, прошу сразу заметить, не вор. Да, еще и не пидор. Это мы так с Митричем шутим, не подумай чего...

– Серега, – коротко кивнул водитель.

– Компостер, – скорчив заговорщицкую рожу, прошипел Слон.

– А тебя прямо за язык кто-то тянет, – скривился водитель. – Будто без тебя и не скажет никто.

– Еще бы, вдруг ты умолчишь об этой детали своей биографии, – хитро улыбнулся Слон. – Конечно, не всем же такое гордое прозвище как у меня иметь, понятное дело, но это ведь не повод лишать человека необходимой информации.

Максим перевел взгляд со смеющегося Слона на недовольное лицо водителя и сразу же сообразил, почему тот получил такую кличку, а также, почему он ей столь недоволен. Самой впечатляющей особенностью сидевшего за рулем парня, бросающейся в глаза с первого взгляда была гипертрофированно развитая нижняя челюсть. Далеко выдающаяся вперед она вместо придания лицу мужественной суровости, как у голливудских киногероев, делала его гротескно-комичным, чем-то похожим на шелкунчика, как его рисуют в немецком стиле. Да, не повезло мужику с внешностью, наверняка в любой компании, где бы он ни оказывался, эта его особенность служила неизменным поводом для смеха и шуток.

Тем временем подошли и экипажи остальных машин, разумеется, только белая их часть. Вся чернокожая команда увлеченно перетаскивала и складировала в «собачьи отсеки» УАЗов привезенное самолетом добро. Максима обступили со всех сторон, он едва успевал улыбаться и пожимать протянутые руки. Представлялись его новые товарищи обычно по прозвищам, изредка добавляли к ним имена.

– Вовчик, Мангуст.

Мелкорослый юркий паренек расплылся в широкой улыбке.

– Леший.

Угрюмый кивок и пожатие цепкой кряжистой ладони твердой от не сходящих мозолей.

– Карабас.

Огненно-рыжий тип весь в веснушках, в глазах так и пляшут веселые бесенята, еще и рожу скорчил, со смеху умереть можно.

– Дима. Малышом кличут.

Этот глянул застенчиво и добродушно, сразу видно хоть и силен как бык, по жизни мухи не обидит.

Максима изрядно удивило лишь одно обстоятельство: все с кем он успел познакомиться, оказались вовсе обыкновенными парнями. Никаких рэмбообразных накаченных монстров, ничего суперменистого ни в манере держаться, ни во внешнем облике, самые обычные мужики со средним возрастом около тридцатника. Совсем не такими представлял он себе профессиональных солдат удачи. Одно только выдавало род их деятельности – у всех худые спортивные фигуры, легкие, жилистые, без грамма лишнего жира, даже Малыш, как и положено прозванный так за высокий рост и суровую комплекцию и тот, движется легко и пластично, будто и не весит ничего. Макс уже встречал таких, там, в прошлой жизни. Именно из подобных бойцов и подбиралась дивизионная разведка двадцать седьмой мотострелковой дивизии, в которой много лет назад он зеленым курсантом проходил войсковую стажировку. Неказистые с виду, но способные бежать с грузом ночь напролет, выжимать из перевитого жилами тела максимум, справляясь с такими нагрузками, что и в страшном сне не приснились бы киношным Шварценегерам, эти парни еще тогда прочно заняли место прежних, виденных в фильмах кумиров в голове будущего офицера. Как-то враз осознав кого ему напоминает «комитет по торжественной встрече» Макс неожиданно почувствовал себя дома, ну пусть не дома, но снова на своем месте, среди тех людей, что были такими же как он сам. И эта мысль неожиданно целительным бальзамом пролилась где-то внутри, смывая все страхи и беспокойства, порождая тихое умиротворение и полное довольство жизнью. Пусть он еще ничего не знал о них, не был для них в доску своим парнем, пусть долгий процесс узнавания и становления в новом коллективе еще впереди, но уже сейчас он понял и прочувствовал главное. Он был среди своих. Впервые за долгие годы. Наконец-то...

– Эй, Макс! – шепотом окликнули сзади, прерывая поток воспоминаний и возвращая обратно на грешную землю.

Он оглянулся на голос и встретился с вечно смеющимся взглядом Карабаса.

– Слушай, как лучше завтракать с пряностями или без? – пряча веселые искорки, так и сверкающие во взгляде, поинтересовался рыжий наемник.

– Лично я люблю завтракать бутербродами с сыром и запивать их кофе, – отрезал Макс, заранее чуя какой-то подвох, просто так Карабас рта бы не раскрыл, наверняка придумал очередную хохомчку, на которые был мастак.

– Причем здесь ты? – совершенно натурально выкатил в удивлении глаза Карабас. – Я про людоедов, которые ждут нас в джунглях. Ты как предпочитаешь, чтобы тебя приготовили сегодня на завтрак? С пряностями, или без?

– Пошел ты, придурок, накаркаешь еще! – возмущенно сплюнул Макс, ускоряя шаг.

– Ну вот, чуть что сразу придурок! – обиженно протянул за его спиной Карабас. – А я вот думаю, что лучше попасть на завтрак к людоеду сидящему на диете. К язвеннику, например. А то пока будут тебя шинковать чесноком, это же лишняя возня, да и перец с солью, наверное, жгутся.

Макс лишь осуждающе покачал головой, суеверно поплевав через левое плечо. Лично ему цель сегодняшнего похода вовсе не внушала присущего Карабасу шутовского оптимизма, а даже несколько пугала.

Люди с прииска начали пропадать вскоре после его прибытия, но сначала особого внимания на это не обращали. Мало ли куда могли подеваться, имеющие весьма своеобразное понятие о дисциплине черные работяги, может просто вкальвать надоело, вот и подались куда-нибудь в поисках лучшей доли, благо деревень вокруг полно. Да и в джунглях можно прожить, всяко не пропадешь, если ты черный конечно. Белые люди без провианта, оружия и снаряжения погибнут в этом зеленом море в рекордные сроки. Причем на выбор будет предоставлен целый букет причин для смерти, от экзотических, неизвестных современной науке болезней, до нападения животных и таких же, как и болезни малоизученных, но от этого не менее диких и агрессивных лесных племен. А вот местных черных ничего не берет, их даже вездесущие москиты не кусают, по крайней мере, сам Макс еще не разу не видел, чтобы рабочие на прииске подобно охранникам ходили в марлевых намордниках и постоянно размахивали руками, отгоняя мелких злобных тварей.

Так что вначале никто не забеспокоился, до тех пор, пока среди работяг не пошел глухой страшный слухок, вскоре долетевший до начальника охраны и воплотившийся в одном лишь жутком слове: «Кигани!» Начальник охраны, крепкий шестидесятилетний старик с выдубленным, будто хорошо выделанная шкура лицом и суровыми складками, глубоко залегшими у губ, внимательно выслушал своих информаторов, регулярно сообщавших ему о настроениях рабочих на прииске, но в ответ лишь недоверчиво прищурился: «Откуда вдруг взялись кигани? Их же полностью уничтожили еще по приказу президента Мобуту во время восстания семьдесят девятого года?»

Чернокожие агенты недоуменно пожимали плечами, но продолжали стоять на своем. По их версии развития событий выходило, что отряд воинов дикого племени людоедов кигани, обитавшего далеко в глубине непроходимых джунглей, во время очередного похода наткнулся на прииск и признал его неплохим источником постоянной кормежки. Прирожденные охотники и следопыты кигани без труда незамеченными проникали в поселок добытчиков и одного за другим похищали и съедали рабочих.

Вскоре страх перед прячущимися в джунглях людоедами полностью парализовал работу прииска, люди продолжали регулярно пропадать, и никакого разумного объяснения этому найти не удавалось. Следовало срочно предпринять какие-то меры, руководство Компании, содержащей прииск, интересовалось лишь объемом добычи танталита и вовсе не хотело вни-

кать в местные проблемы, совершенно справедливо полагая, что обеспечение безопасности работ дело охраны, которой достаточно щедро платят. Если в очередной прилет на импровизированный аэродром в джунглях «Сессна» не заберет привычное количество танталита, то можно с уверенностью сказать, что к администрации прииска будут предприняты не слишком приятные меры, стимулирующего характера. Доводить ситуацию до этого, понятно, никто не собирался, потому начальник охраны, он же комендант лагеря собрал экстренное совещание, на котором присутствовали все белые сотрудники Компании, обслуживающие прииск, кроме тех, кто в тот момент нес охрану периметра, а также чернокожий гигант Мбонга – командир команды следопытов, набранных из местных уроженцев.

Собрались на свежем воздухе под огромным сплетенным из соломы навесом, хоть как-то прикрывавшим от немилосердно палящего, вечно стоящего в зените солнца. Макс удобно устроился на деревянной лавке в третьем ряду, рядом уселись Компостер и Малыш. Остальные наемники, тихо переговариваясь, рассаживались по своим места, незлобиво задирая трех контролирующих процесс добычи горных инженеров, отчего то считавших себя на голову выше наемных солдат удачи и потому постоянно ходивших с презрительно оттопыренными губами и задранными прямо к небу подбородками. Совещание открыл сам начальник охраны.

– Товарищи, – сухо откашлявшись, начал он. – Ну и господа тоже, куда же от вас денешься, – тут же добавил сварливо, поймав взгляд одного из инженеров. – Все вы знаете, что за последнее время на прииске сложилась нездоровая обстановка. Темпы добычи упали практически до нуля. Все мы понимаем, что это недопустимо и нам как минимум перестанут платить, если подобное будет продолжаться и впредь. Это ясно! Теперь о причинах, которые вызвали подобное положение. Вряд ли они для кого-то они являются секретом, слухи в лагере разносятся быстро. Но на всякий случай поясню: за последний месяц у нас пропали одиннадцать рабочих. Все исчезновения происходили в поселке, поскольку территория прииска достаточно хорошо охраняется, а на охрану поселка у нас просто не хватит людей. Рабочие считают, что поблизости появился боевой отряд воинов кигани и похищение людей их рук дело. Надо рассказывать, кто такие кигани?

По рядам внимательно слушавших наемников прокатился глухой ропот, видимо бывалые ветераны спешно пытались просветить молодежь.

– Виктор Павлович, вы лучше расскажите, – подал голос сидевший в первом ряду на почетном месте главный инженер. – Всегда забавно послушать местные сказки, да и моим сотрудникам будет интересно.

Начальник охраны ожег его неприязненным взглядом:

– Знаете ли, господин Темирбаев, местные сказки, как Вы изволите выразаться, имеют весьма неприятную тенденцию частенько превращаться в быль.

Главный инженер лишь презрительно скривился, не желая спорить с человеком несущим, по его мнению, явную околесицу.

– Итак, кигани, – обвел взглядом примолкшую аудиторию Виктор Павлович. – Это самоназвание группы диких бантуязычных племен, обитавших в джунглях провинции Киву и живших благодаря охоте и собирательству. Находятся на самой примитивной стадии развития, живут по законам родо-племенного строя. Откровенные каннибалы, практикующие ритуальные убийства с последующим пожиранием своих жертв, также не брезгают захваченными во время военных походов пленными и купленными рабами. Местные их боятся чрезвычайно, считается, что живущие по законам и обычаям предков кигани сохранили древнее знание и сверхъестественные способности. Их колдуны, черпающие силы в одной из самых мрачных разновидностях культа Вуду якобы могут насыпать порчу и болезни на людей и скот, убивать взглядом, натравливать на врагов голодных духов, превращать людей в зомби, заговаривать от смерти, ну и прочие традиционные фокусы. Официально считается, что к настоящему времени кигани полностью уничтожены вследствие целенаправленной политики президента Мобуту,

так и не смогшего им простить восстания семьдесят девятого года. Тогда несколько тысяч кигани одновременно взбунтовались против насильно насаждавшей цивилизацию центральной власти и почти год вели бои в джунглях с посланными на умиротворение правительственными войсками. Как здесь умиротворяют, все вы прекрасно знаете – вырезали жителей, сожгли деревню, все – наступил мир.

– Старик знает, о чем говорит, он тогда сам участвовал в этой бойне, – тихо шепнул на ухо Максусидящий рядом Компостер.

– Он что торчит здесь с семьдесят девятого года? – искренне удивился Максим.

– Куда там с семьдесят девятого, гораздо раньше...

Макс глянул на суровое исчерченное глубокими, будто топором вырубленными морщинами лицо начальника охраны и искренне его пожалел. Столько лет провести вдали от родины, на чужом континенте, среди чуждых обычаев и людей другой расы, это, по его мнению, было невероятно тяжелым испытанием. Теперь становилась понятной и его практически энциклопедическая осведомленность во всем, что касалось законов и обычаев местных племен, устройства их жизни и быта, и удивлявшее Максима знание бесчисленного количества местных диалектов и наречий. В отличие от большинства наемников, в лучшем случае общавшихся с работягами на ломанном французском, начальник охраны мог свободно говорить на родном языке практически с любым из рабочих на прииске, чем снискал себе немалую любовь и авторитет в их среде.

– Рабочие считают, что происходящие на прииске исчезновения дело рук кигани. Что пропавшие были похищены и съедены расположившимися неподалеку людоедами. В принципе такое вполне возможно, мы находимся в достаточно отдаленном и глухом уголке провинции, здесь вполне могло уцелеть какое-нибудь не слишком многочисленное племя.

Главный инженер демонстративно хмыкнул. Однако Виктор Павлович даже не взглянул в его сторону.

– В пользу этой версии говорит один достаточно весомый факт. В последний раз пропала молодая женщина, работавшая на промывке породы. Пропала из собственной хижины, скорее всего ранним утром третьего дня. В хижине обнаружены следы борьбы и вот это.

Начальник охраны извлек из кармана рубашки защитного цвета грязный комок черных птичьих перьев. Наемники с интересом подались вперед, пытаясь рассмотреть, что же это такое может быть. Вскоре по рядам пронесся разочарованный вздох. Ничего необычного – просто связанные между собой веревкой растрепанные перья неизвестной птицы, беспорядочно облитые красной краской.

– Ну и что это за мусор, уважаемый? – не преминул ехидно спросить главный инженер. – На помойке нашли?

Он вообще недолюбливал охранников, считая их зря получающими деньги дармоедами и вечно мешающими плодотворно работать перестраховщиками, а уж начальник охраны и вовсе являл для него воплощение вселенского зла, потому лишний раз его уколоть главный инженер считал делом принципа.

– Да, действительно, выглядит не слишком презентабельно, – легко согласился с ним Виктор Павлович. – Просто пучок грязных перьев, если не знать что это и есть знаменитый ндолю.

Максим почувствовал плечом, как удивленно вскинулся сидящий рядом с ним Малыш, услышал глубокий вздох Компостера. Самому ему слово «ндолю» ничего не говорило, но заинтригованный реакцией товарищей, он на всякий случай повнимательней взгляделся в неопрятный растрепанный предмет.

– Вижу, не все понимают, о чем я сейчас говорю, – улыбнулся, с явным превосходством оглядев собравшихся, начальник охраны. – Так вот, ндолю – это тот самый амулет, который приносит воину неуязвимость в бою. Изготовить такой может лишь могущественный колдун,

путем весьма сложного ритуала. Причем для того, чтобы ндоло работал, он должен быть смазан самой настоящей человеческой кровью взятой из печени еще живого врага. Тут действует довольно сложный механизм замещения, проще говоря, жизнь приносимого в жертву, как бы меняется на жизнь будущего хозяина амулета и чем в больших мучениях умирает жертва, тем сильнее и продолжительнее действие, заложенных в ндоло охранных чар.

Макс с невольным ужасом всмотрелся в багровые разводы на перьях. Понимание того, что это кровь какого-то бедолаги насмерть запытанного дикарями ради их темных суеверий рождало холодную пустоту внизу живота и быстрые мурашки вдоль позвоночника.

– Ладно Вам пугать людей, господин Васнецов, – фыркнул в наступившей тишине главный инженер. – Таких поделок может наделать, кто угодно, были бы перья и веревки. Наши «макаки» вполне могли наладить массовое производство этих с позволения сказать амулетов.

– Ошибаетесь, – злорадно усмехнулся ему в лицо Виктор Павлович. – Никто из африканцев, кроме жреца Вуду никогда не посмеет даже прикоснуться к чужому ндоло, не то что самому изготовить его имитацию. Духи жестоко накажут любого, кто посмеет выкинуть подобную шутку. Да это легко проверить, раз Вы сомневаетесь. А ну-ка, Мбонга, возьми этот пучок перьев и выкинь его на помойку.

Огромный командир следопытов в ужасе шарахнулся в сторону от протянутой руки начальника охраны. Макс ясно видел, как в страхе расширились во всю радужку его зрачки, а кожа лица на глазах стала пепельно-серой. Ему уже приходилось наблюдать, как бледнеют от ужаса африканцы, если европейцы при этом белеют, то у негров кожа становится неприятного землисто-серого цвета. Мбонга быстро-быстро заговорил на суахили, одновременно делая обеими руками отстраняющие жесты. Что именно говорит следопыт, Макс не понял, но общий смысл его речи был предельно ясен, и слепому было видно, что Мбонга не прикоснется к злополучному пучку перьев ни за какие сокровища мира.

– Ну что? Нужны какие-то еще доказательства, господин главный инженер? – ехидно произнес Виктор Павлович, пристально разглядывая недовольное лицо своего вечного оппонента.

Тот лишь презрительно улыбнулся, пожимая плечами, мол, ради бога, играйте в свои детские игры дальше, а меня это все вовсе даже не касается. Однако за этой внешней невозмутимостью явно скрывалось уязвленное самолюбие и все присутствующие, включая Васнецова, конечно, все прекрасно поняли. Виктор Павлович, тем не менее, решил не добивать противника и переключился на все еще дрожащего всем телом Мбонгу. Ласково и успокаивающе он произнес несколько слов на странном птичьем наречии, спрятал амулет обратно в карман, и гигант-следопыт успокоился, словно по волшебству. Макс тогда поразился, какую все-таки страшную власть имеют над этими людьми древние суеверия, как тяжело, наверное, жить в их мире, насыщенном невидимыми глазу добрыми, а чаще злыми духами, колдовскими обрядами и прочими сверхъестественными явлениями. Что из того, что все эти вымышленные существа живут лишь в их собственном воображении, для чернокожего дикаря они от этого отнюдь не становятся менее реальными.

Сейчас Мбонга возглавлял группу из трех чернокожих разведчиков шедших впереди отряда по свежему следу людоедов кигани. Теперь он вовсе не походил на того до смерти перепуганного человека, которого Макс наблюдал несколько дней назад на собрании, не похож он был и на того Мбонгу, что любил бродить вечерами по лагерю, распевая тягучие африканские песни, непрямого участника всех шуток и проказ, что то и дело устраивали тяготящиеся рутинной скукой охранники. Сейчас это был предельно настороженный, чуткий и внимательный хищник целеустремленно идущий по следу добычи. Вообще чернокожие следопыты из более-менее приобщенного к цивилизации, но все же не утратившего первобытного умения жить в джунглях племени бамбалов, набранные специально для патрулирования окрестностей лагеря, свой хлеб обрабатывали на все сто. Без них сегодняшняя экспедиция заведомо стала

бы невозможной. Рейдовый отряд шел по свежему следу людоедов. На этот раз исчез мужчина-рудокон, молодой и сильный. Стена тростниковой хижины, в которой он жил оказалась аккуратно разобранный, а от нее к джунглям шел явный след примятой травы, именно здесь тащили тело. В самой хижине обнаружили кровь и отпечатки босых ног на влажной земле, в том, что похищение дело рук кигани уже практически никто не сомневался. С утра принялись готовить карательную экспедицию. На необходимости этой меры настоял сам начальник охраны. Действительно, идея выследить людоедов по следам и уничтожить, раз и навсегда покончив с нависшей над прииском угрозой, многим показалась чрезвычайно соблазнительной. Вот только записываться добровольцами в карательный отряд наемники не спешили.

Еще бы, одно дело получать деньги за нудные, но абсолютно безопасные дежурства на натканных вдоль обтянутого колючей проволокой периметра вышках, а совсем другое за ту же зарплату преследовать в диких джунглях коварных и хитрых людоедов. Ведь известно, что самый опасный зверь в мире, это как раз человек, а при охоте на двуногую дичь охотник и жертва в любой момент могут поменяться местами. Старик решил, что в рейд пойдет группа из десяти стрелков, этого должно хватить, чтобы перебить хоть сотню кигани, учитывая явное превосходство в оружии, к тому же большой по численности отряд станет в джунглях слишком заметным и трудноуправляемым, а основная ставка делалась именно на то, что людоеды не ждут атаки. Но даже такое количество бойцов набрать удалось лишь с большим трудом, основным стимулом для большинства, стало все же обещание шикарных премиальных, которые Старик поклялся, так или иначе, истребовать у Компании. Макс вызвался добровольцем по собственным соображениям, он посчитал, что его участие в столь рисковом деле поможет ему заработать так необходимый в новом коллективе авторитет, стать с остальными охранниками на равную ногу.

У следопытов в отличие от наемников выбора не было изначально, они должны были идти с группой полным составом, это даже не обсуждалось. Преследовать дикарей в джунглях никто, кроме них не смог бы, не смотря на то, что среди белых стрелков в избытке попадались те, кто ранее прошел всевозможные армейские специальные курсы именно по противопартизанской борьбе в горно-лесистой местности и ведению разведки. Однако, как показала практика, изучать подобные дисциплины и реально применить свои знания в девственном лесу, это, как говорят в Одессе, две большие разницы. И как ни пыжились дипломированные «спецы», а без набранных из местных следопытов, отряд мгновенно ослеп и оглох бы, а вполне вероятно вообще заблудился бы в чаще, став легкой добычей тех самых дикарей, на которых собирался охотиться.

Макс внимательно глянул в голову колонны, там согнувшись в три погибели, опустив голову к самой траве, шел чернокожий следопыт. При первом взгляде он чрезвычайно напоминал идущую по следу собаку, та же целеустремленность, то же отрешение от всего окружающего мира, сейчас для него существовали только примятые чужой ногой стебли, сдвинутые с привычного места ветви, вдавленные отпечатки босых ступней на сырой земле, больше вокруг не было ничего. Чуть отстав, за ним след в след шел напарник. Этот, наоборот, не обращал никакого внимания на то, что творилось у него под ногами. На то есть направляющий. Второй номер был занят другим делом, он смотрел и слушал, чутко улавливая все то, что пропускал его товарищ, поглощенный выслеживанием. Так, дополняя друг друга они составляли самую эффективную поисковую систему из когда-либо виденных Максимом. Ничто и никто не укроется, не спрячется, от чернокожих следопытов. Разве что рожденные магией Вуду призраки, или плененные могучим колдуном духи. Но в том, что к загадочным исчезновениям рабочих потусторонние силы не имеют никакого отношения, все уже убедились. Духи не оставляют после себя отпечатков босых ног, не теряют амулеты, а для проникновения в хижину им вовсе не надо разбирать связанные из тростника стенки. Так что загадочные гости из джунглей в данном случае показали себя вполне материальными и ничего общего с потусторонним миром не

имеющими, это соображение весьма приободрило команду Мбонги, и теперь она стремилась показать все, на что была способна. Кроме шедшей в голове цепочки бойцов пары, еще двое бамбалов неслышно скользили по бокам на расстоянии в пару десятков метров от основной группы, высматривая возможные следы поворота противника в сторону. Такие фокусы достаточно часто практиковались здесь. В этом случае одна часть преследуемых продолжает двигаться прямо, а другая, осторожно отойдя в сторону, пропускает мимо себя увлеченных погоней охотников, выходя им в тыл и зажимая между двух огней. Потом, как правило, остается лишь внезапно ударить с двух сторон и собирать трофеи. Чтобы не допустить такого развития событий Мбонга и выставил боковые дозоры. Сам же шел сразу за головной парой внимательно наблюдая за работой своих подчиненных, в необходимых случаях что-то подсказывая, поправляя, указывая на упущенное.

Из лагеря решили выйти ранним утром из тех соображений, что кигани вполне способны были оставить несколько разведчиков для наблюдения за реакцией на похищение. Скорее всего, так оно и было, вот только провести ночь в джунглях наедине с голодными духами и неупокоенными мертвецами, не под силу ни одному дикарю. Ночью наступает страшное время, коротать которое надо только всем вместе, под защитой яркого света костра, отпугивающего и хищников и неприкаянные души, а еще лучше, если в составе отряда есть сильный колдун, что наложит охранные заклятия на место стоянки. Оставшиеся одни в лесу однозначно обречены на мучительную смерть, а может быть и на кое-что похуже смерти, как знать... Так что если за прииском и наблюдали разведчики людоедов, то как только солнце начало клониться к закату они со всей возможной прытью направились к месту стоянки основного отряда, туда где люди, где колдун, а значит безопасность и защита. Именно рассчитывая на суеверия дикарей, Васнецов приказал выступать на исходе ночи, в тот час, когда за прииском и лагерем наверняка не наблюдает враждебный взгляд, и выход карательного отряда останется незамеченным. Мбонга и его люди под охраной нескольких стрелков прошли по следам похитителей до входа в джунгли еще по светлому времени, так что теперь им не нужно было сильно напрягаться в неверном утреннем полумраке, чтобы выйти в заданную точку.

Макс обратил внимание, что над покрасневшей линией горизонта уже появились яркими пиками пронзающие серое небо первые лучи выползающего из-за края земли солнца. Мрачная стена джунглей темной непроницаемой массой синела совсем рядом, уклон стал круче, и приходилось внимательно нащупывать дорогу ногой, чтобы не съехать вниз по скользкой мокрой от росы траве. Ветерок, дувший с плато, был достаточно свежим, так что Максим даже почувствовал что-то похожее на озноб, тело, прикрытое лишь легкой пятнистой робой, покрылось гусиной кожей. Вот тебе и экваториальная Африка! Уж что-что, а мерзнуть на экваторе это просто какой-то нонсенс, расскажи кому – не поверят. От этой мысли ему почему-то стало необычно весело и захотелось немедленно поделиться своими соображениями с кем-нибудь из друзей.

– Эй, Карабас! – громким шепотом окликнул он топавшего метра в трех сзади рыжего наемника. – Ты как? Не замерз?

– Есть немного, – улыбнулся тот.

– Обалдеть, да?! Надо же мерзнуть на экваторе! Скорее бы уж в лес, там хоть не дует...

– В лес? Ага, сейчас... Радуйся, дурень, пока не дошли!

– А что такое? – удивился Макс.

– Эй, а ну закончили там базар! – строго прикрикнул на них командир отряда, невысокий кривоногий казах, по имени Артур.

– Увидишь, – многозначительно шепнул Карабас и тут же состроил совершенно невинную и полностью поглощенную процессом осмотра окрестностей рожу, поймав на себе грозный взгляд командира.

Переспрашивать Максим не решился, посчитав, что и правда скоро сам все увидит и поймет. Так оно и вышло. Уже с первых шагов под сводами огромных деревьев он весь покрылся влажной испариной, казалось, вместо воздуха здесь везде разлита вода, она капала с огромных мясистых листьев и лиан над головой, собиралась в лужи под ногами, рассыпалась мелкими мутными жемчужинами по траве и торчащим из земли узловатым корням, каплями оседала на лице, форме, оружии, попадала вместе с каждым вдохом в нос и рот. Душная затхлая атмосфера не давала вдохнуть полной грудью, голову кружили запахи гнили и разложения, примерно так пахло в компостной яме, которую отец Макса когда-то соорудил на даче, только здесь еще к сшибающему с ног запаху перегноя примешивался одуряюще пряный, аромат каких-то незнакомых цветов. Огромные деревья-великаны напрочь отрезали бодрящий ветерок, дувший вниз по склону, воздух между их величественными стволами был абсолютно неподвижен, и почти физически ощутим, Максу казалось, что он его буквально раздвигает своим телом, двигаясь как в толще воды, постоянно преодолевая ее сопротивление. Влажная земля под ногами скользила, не желая удерживать рубчатую подошву десантного ботинка, мокрые покрытые трухлявой корой корни, торчали из нее сытыми червями, подставляя подножки незадачливому путнику. И еще здесь было жарко, примерно как в сауне, нет в сауне пар сухой и бодрящий, здесь было жарко, как в хорошо протопленной русской парной. Несмотря на раннее утро, жара стояла просто невыносимая, и температура явно была гораздо выше, чем всего в сотне метров отсюда на открытом месте. Первые солнечные лучи путались где-то в вышине гигантских крон деревьев, высаящихся и тут и там среди переплетения мелкого вьющегося кустарника, и внизу у основания мощных в несколько обхватов стволов царил вечный сумрак. Но хуже всего был целый рой летающих и жужжащих мелких кровососущих тварей со сладострастным писком атаковавших долгожданную добычу, явно по глупости забредшую в пределы их исконных владений. В считанные секунды множество насекомых замельтешило у Макса перед лицом, целясь в него вцепиться. Никакие репелленты, судя по всему, их не пугали, и оставалось лишь остервенело лупить самого себя по морде, каждый раз размазывая по щекам сотни присосавшихся кровососов, что ничуть не мешало следующему валу этой летающей армии с писком и жужжанием тут же занимать места погибших. Остальные наемники, тоже придушенно матерясь, крутились, как ужи на сковородке, отмахиваясь от наседающей мошкары. А вот следопытам насекомые, похоже, вовсе не досаждали, по крайней мере, они не обращали на них совершенно никакого внимания. «Не кусают их, что ли? – с завистью подумал, видя это Макс. – Может за своих принимают?» То, что никто из бамбалов даже не думал мазаться какой-нибудь мазью из тех, что в изобилии втирали в открытые участки кожи наемники, он знал точно. Еще в лагере на его удивленный вопрос Мбонга, щеря крепкие зубы в сверкающей белизной усмешке, пояснил, что им пользоваться мазью никак нельзя, обоняние пропадет.

– Вы что же, след по запаху находите? – несказанно удивился тогда молодой наемник.

– Собака знаешь? – безбожно коверкая французские слова, заулыбался в ответ Мбонга. – Бамбалы лучше, чем собака чуют врага. Если пойдет дождь, собака потеряет след, если враг насыплет на землю табак, собака потеряет след. Бамбалы не теряют след никогда. Собака лает, бамбалы нет. Собака кормить надо. Бамбалов кормить не надо, только плати доллар. Бамбалы лучше, чем собака!

С этим трудно было спорить, и Мбонга ушел по обыкновению, громко хохоча над непонятливым европейцем, оставив Макса теряться в догадках, правда ли у чернокожих следопытов столь изощренный нюх, или это была просто очередная африканская шутка. Сейчас, глядя на идущего впереди следопыта по-собачьи склоняющегося к самой земле и шумно нюхающего широко раздувающимися ноздрями воздух, он готов был поверить, что все сказанное Мбонгой соответствует действительности.

Вообще с входом в густой сумрак джунглей все в отряде будто бы подобрались, посе-резнели. Походка людей приобрела мягкую кошачью гибкость, а лица будто окаменели, не

выражая никаких чувств и эмоций, только прищуренные пристально вглядывающиеся в переплетение лиан глаза, только подрагивающие от напряжения ноздри, а уши чуть ли не шевелятся локаторами, силясь уловить малейший звук. Точнее не уловить, а вычленив из гремящей вокруг какофонии, утреннего тропического леса, где каждая тварь спешит оповестить весь окружающий мир о том, что она еще жива и проснулась, пережив ночь. Пронзительными визгливыми голосами перекликались скачущие вслед за отрядом по нависшим над головами навесом ветвям мартышки и павианы. О чем-то переговаривались громкими резкими криками попугаи. Из темных густых зарослей доносилось чье-то предостерегающее ворчание. Макс с содроганием подумал, что это может быть леопард. Он уже успел послушаться рассказов бывалых наемников об этом беспощадном хищнике джунглей. Судя по ним, выходило, что для человека леопард гораздо опаснее, чем, к примеру, тигр или лев. Привыкший охотиться на обезьян, этот хищник частенько нападает на местных жителей, не боится людей, считая их, видимо, лишь какой-то особенной разновидностью привычной добычи. Он силен и ловок, привык атаковать одновременно целую группу противников, и если тигр, набрасываясь из засады, убьет максимум одного человека, то напавший на людей леопард будет раздавать удары мощных когтистых лап направо и налево до тех пор, пока не уложит всех, или пока не убьют его самого. Успокаивало Макса только одно, то, что столь хитроумный хищник просто обязан адекватно среагировать на запах оружейной смазки их автоматов и понять, что где-где, а уж здесь ему ловить точно нечего. Однако смазка смазкой, а в этом девственном лесу вполне можно было напороться на леопарда, что и не сталкивался никогда за свою кошачью жизнь с огнестрельным оружием и потому ничуть его не боится. Подумав об этом, Максим невольно бросил короткий взгляд на подозрительные кусты и аккуратно снял автомат с предохранителя. Заросли ответили новым предупреждающим рыком, и наемник с облегчением вздохнул лишь, когда они остались далеко позади. Неизвестно, что за зверь там скрывался, но преследовать вторгшихся на его охотничью территорию чужаков он не стал.

Вообще, Макс, с тех самых пор как маленький отряд вошел под своды первых деревьев тропического леса, мучительно старался побороть внутренний страх и неуверенность, загоня эти чувства в самые дальние глубинные тайники души, в самые ее темные уголки, но даже оттуда они продолжали время от времени выглядывать, заставляя нервно подрагивать стискивающие оружие пальцы, непрошенным холодком пробегая вдоль позвоночника, неприятным тяжелым комом скапливаясь где-то внизу живота. С нарастающей тревогой он ждал того момента, когда разведчики, наконец, обнаружат людоедов, и уже почти уверился, что раз они так долго идут неизвестно куда по темным враждебным джунглям, то весь план Старика полетел к чертям. Кто сказал, что кигани настолько суеверны, что не могли оставить на ночь наблюдающих за лагерем разведчиков? В конце концов, на дворе двадцать первый век и даже этих дикарей не могли не коснуться отголоски цивилизации, так что вполне возможно, что атавистический страх перед темнотой давно выветрился из их мозгов. И теперь людоеды, злорадно смеясь над самонадеянностью белых карателей, заманивают их отряд в заранее подготовленную ловушку. От этих мыслей внутри становилось пусто и холодно. Макс не боялся смерти, по крайней мере, давно уже уверил в этом самого себя. Проверить это утверждение, понятное дело, можно было только опытным путем, а такого случая в его бурной и насыщенной событиями биографии пока не представлялось. Но, даже если принять на веру полное отсутствие робости перед старухой с косой, все равно, одно дело быстро и легко умереть от снайперской пули полученной в горячке боя, даже не поняв, что собственно с тобой произошло, и вовсе другое попасть в руки к людоедам предназначенной на заклятие жертвой. Стоило только представить себе подобное, и Максимом овладевал просто парализующий ужас. «Чертово воображение, напридумывал себе кошмаров, и сам же теперь трясусь от страха! Лучше бы думал о том, как выполнить задачу, придурок!» – ругал он себя. Однако, исподтишка приглядевшись к своим спутникам, понял, что и они чувствуют себя не в своей тарелке. Народ в группе подо-

брался тертый, успевший повоевать тут и там по всему миру, не раз глядевший в лицо смерти и не отступавший перед ней. Но перспектива превратиться в чей-то обед, даже этих железных парней заставляла заметно нервничать. Один Артур был как обычно абсолютно невозмутим, на раскосом азиатском лице не отражалось никаких чувств и эмоций. Максим невольно позабывал командира группы и его непоколебимой выдержке. Но зависть завистью, страх страхом, а раз назвался груздем, полезай в кузов, сейчас уже ничего переделать или изменить было невозможно. И как ни клял себя в душе Макс за то, что вызвался участвовать в карательной экспедиции, а все равно продолжал шаг за шагом продираться сквозь джунгли, вслед за проводниками, туда, где ждал его страх.

К месту стоянки дикарей вышли к полудню. Солнце давно уже стояло в зените, но под развесистыми кронами тропического леса царил все тот же полумрак, ничего не изменилось с утра, разве что жара стала еще более невыносимой и к ставшей уже привычной духоте и влажности добавились еще и поднимающиеся вверх испарения чавкающих под ногами наполненных гнилью луж. Произошло все как-то скучно и обыденно, просто в какой-то момент шедшие впереди следопыты подали сигнал остановиться и соблюдать предельную тишину. Мбонга и Артур тут же скользнули вперед и коротко переговорив с присевшими на корточки бамбалами, осторожно раздвигая лианы и пригибаясь, исчезли в переплетении ветвей и листьев. Вернулись командиры примерно через полчаса, все эти тридцать минут белые наемники провели как на иголках, вздрагивая от каждого шороха, от скрипа ветвей, от шуршания травы которыми так и полнились окружающие их джунгли. Наконец чуть качнулись мясистые лианы, и из-за них бесшумно возникла массивная фигура Мбонги, Артур неслышным стелющимся шагом шел следом.

Тринадцать лиц, девять белых и четыре черных повернулись к пришедшим с неммым вопросом. Мбонга лишь криво ухмыльнулся и, отойдя в сторону, опустился на корточки, предоставляя право говорить старшему. Артур, выдержав театральную паузу, и дождавшись, когда некоторые из бойцов уже нетерпеливо задвигались, широко улыбнулся и сообщил:

– Порядок, мы нашли их. Все в лучшем виде.

– Ну?! – прямо-таки взвыл Карабас. – Дальше-то что? Рассказывай, что видели, не томи!

Наслаждаясь всеобщим повышенным вниманием, Артур не спеша, потянулся, выбрал местечко посуше на выпирающем из земли древесном корне и удобно устроился на его узловатом теле. Максиму отчего-то показалось, что вот сейчас командир все так же неторопливо вытянет из кармана огромную курительную трубку, набьет ее табачком и заведет долгий обстоятельный рассказ о морских небылицах. Уж так начальник в этот момент походил не то на старого продувного боцмана, не то на мультяшного капитана Врунгеля. Никакой трубки, конечно, Артур не достал, но довольно долго мостился на корне пристраиваясь поудобнее и лишь достигнув максимально возможного комфорта начал рассказ.

– Короче, парни, ситуация такая. Эти уроды стоят лагерем прямо перед нами, меньше сотни метров отсюда, потому всем соблюдать тишину. Лагерь состоит из пяти больших шалашей, ну там еще всякая ерунда: кострище, идол какой-то вкопан, шест с разной хренью, короче не суть. Судя по размерам, в каждом шалаше может поместиться человек пять-шесть, не больше. Будем исходить из худшего, так что считаем, что против нас тридцать рыл. На каждого примерно трое выходит.

– Что значит примерно?! – не утерпев, вклинился Карабас. – Чего вы тогда там делали столько времени, если точно посчитать не смогли?

Артур лишь осуждающе посмотрел на него, не удостоив ответом, а остальные наемники тут же зашикали на выскочку, принуждая немедленно заткнуться и слушать, что скажет старшой. Подождав, пока все успокоится, и вновь установится полная тишина, Артур продолжал:

– Судя по всему, они только что пообедали...

Карабас опять было дернулся что-то сказать, но поперхнулся, заработав довольно чувствительный тычок локтем под дых от сидевшего рядом Компостера. Артур нарочито горестно вздохнул и деланно жалостливым тоном пояснил, обращаясь к одному только Карабасу:

– Там остатки пищи были, свежие потроха в стороне лежали, и угли костра еще дымились. Поэтому мы решили, что они только что поели. Это хотел спросить, горе мое?

Все еще не могущий толком вдохнуть Карабас быстро закивал в ответ на вопрос командира.

– Ну, слава Богу, – демонстративно вздохнул с облегчением Артур. – Сейчас у них, похоже, послеобеденный отдых. Все дрыхнут по шалашам, оттого и посчитать, сколько там точно народу мы не смогли. Только возле костра ошивается какой-то клоун, видимо дозорный. Хотя он там больше мух ловит, чем реально караулит. Кстати, не факт, что он один, так что, Мбонга, надо будет твоим ребятам покрутиться вокруг лагеря, посмотреть, может, где еще секреты расставлены. Вот такая в двух словах наша диспозиция. Теперь поехали, кто что думает?

Макс за месяц пребывания на прииске уже привык к заведенному среди наемников порядку принятия важных решений. Если позволяли время и обстановка бойцы всегда собирались на совет, где каждый мог высказать свое мнение по обсуждаемому вопросу. Говорить обычно начинал младший, чтобы на него не давил авторитет ранее высказавшихся ветеранов, и так по старшинству, до того, кто в данный момент командовал отрядом. Командир, выслушав всех и обобщив все сказанное, принимал решение, и оно уже исполнялось неукоснительно, не зависимо от того, совпадало с личным мнением того или иного наемника либо нет. Такая вот демократия. Младшим в группе был как раз Макс и по сроку пребывания в отряде, и по общим заслугам. Так что первое слово по праву принадлежало ему.

– По-моему все просто, – чувствуя, как помимо воли мучительно краснеет от направленных со всех сторон на него взглядов и, заикаясь от волнения, начал Макс. – Выдвигаемся к лагерю, проверяем, нет ли вокруг охраны. Потом распределяемся вокруг кольцом и по сигналу одновременно расстреливаем шалаша. Добываем оставшихся, вот собственно и все.

– Так просто, – иронично усмехнулся Артур.

Остальные наемники тоже заулыбались.

– А чего усложнять?! – запальчиво удивился Макс.

– Вдесятером слишком жидкое оцепление получится. К тому же от того места, с которого ты сможешь стрелять до шалашей, поди, всего метров пять-десять. А этих тварей там три десятка. Верняком кто-нибудь прорвется в лес и, быстрее всего, не один, а это не есть гуд, – хлопнув его по плечу, пояснил Компостер.

Макс пристыжено замолчал и лишь внимательно слушал соображения остальных бойцов, коря себя за допущенные промахи, будучи абсолютно уверенным, что занятые обсуждением предлагаемых планов наемники в душе над ним потешаются, несмотря на то, что, на самом деле, о его неудачных высказываниях давно уже забыли. Обстановку несколько разрядил Карабас, решивший взять людоедов лихой атакой, пользуясь внезапностью ворваться в лагерь и довершить начатое в штыковом бою, чем вызвал общий приступ безудержного нервного веселья. Артур, услышав столь «дельное» предложение, не вдаваясь в дискуссию, лишь покрутил пальцем у виска и передал слово следующему.

В конце концов, с существенными корректировками и дополнениями был принят план Компостера. Он заключался в бесшумном устранении охраны лагеря, с последующим входом на его территорию. Там заранее разбитые на двойки бойцы должны были уничтожить автоматным огнем в упор каждый свою предварительно оговоренную цель, не дав никому из людоедов уйти в лес. Следопыты Мбонги, контролировали ситуацию со стороны в готовности тут же начать преследование, если паче чаяния кому-то из кигани все же удастся прорваться в джунгли. Здесь главной загвоздкой стал торчащий у костра посреди лагеря караульщик. Его надо было снять тихо, так, чтобы он не успел поднять тревогу и всполошить отдыхающих людое-

едов. Только при этом условии оставался шанс без проблем расстрелять такое количество спящих, гарантированно не дав никому из них уйти. Артур вопросительно глянул в сторону горбоносого контрактника по прозвищу Носорог:

– Ну, чего молчим? Есть, нет?

– Зачѐм спрашиваешь? Конечно, есть. Всегда с собой, да! – смешно коверкая русские слова горганным акцентом, отозвался тот.

– Постоянно с собой ПББС таскает, – шепотом пояснил Макс ситуацию Карабас. – Даже спит с ним. Говорит он счастливый. Талисман, или что-то в этом роде, короче удачу приносит.

– Может и правильно говорит, – так же тихо отозвался Максим. – Видишь, как пригнулся. Чтобы сейчас делали?

– Сможешь шлепнуть караульщика так, чтобы даже не пискнул? – внимательно глядя в глаза Носорогу, спросил Артур.

– Вай ме! Тоже сказал, командыр! Конечно, смогу! Вано Гертишвили был лучшим снайпером в «Белых орлах»! Лучше него в Грузии никто не стреляет.

– Ну-ну, – недоверчиво качнув головой, процедил сквозь зубы Артур. – Смотри, снайпер, если испортишь дело, в Грузии может появиться новый лучший стрелок. Эти ребята всюю мажут свои стрелы ядом, от которого сыворотки еще не придумали. Так что они не такие уж беззащитные, как может показаться, особенно на дистанции в десятков метров. Тут, я сказал бы, шансы у тебя с автоматом и у этого голозадного получаются примерно равные.

– Вах! Пугать не надо, пуганные!

– Ладно, короче делаем так. Мбонга, со своими аккуратно обойди стоянку, проверьте и обратно сюда. Мы будем тут, пока вы ходите, приготовимся. Всем пока разбиться на двойки, шалашей всего пять, значит, каждой паре достанется один. Какой конкретно, решим на месте. Макс, ты со мной вторым номером. Остальные делитесь, как хотите.

Максима слегка кольнуло такое особое отношение к собственной персоне, лишний раз подчеркивающее его неопытность в местных делах и то, что пока он еще не стал полноправным членом коллектива солдат удачи. С другой стороны иметь напарником скупого на слова, но скорого на дело, абсолютно уверенного в себе и, судя по всему, прошедшего огонь, воду и медные трубы Артура гораздо предпочтительнее, чем, к примеру, болтуна Карабаса, или мрачного нелюдимого Компостера у которого никогда не знаешь, что на уме. К тому же, Макс достаточно обоснованно надеялся, что после этой операции его уж всяко должны окончательно признать в отряде за своего, со всеми вытекающими отсюда последствиями. А пока он для наемников остается темной лошадкой, от которой непонятно чего ждать, желание командира иметь его под присмотром можно считать вполне справедливым и вряд ли стоит на подобную предусмотрительность обижаться.

Занятый этими размышлениями он даже не заметил, как бесплотными тенями растворились в окружающих джунглях следопыты. Вот вроде бы только что стояли здесь, о чем-то тихонько переговариваясь на своем птичьем наречии и вот уже их нет. Казалось бы невозможно незамеченным исчезнуть, продираясь через обступившие людей заросли, однако, ни один листик не шелохнулся, ни одна ветка не вздрогнула, малейший шорох не выдал человеческий шаг, а там где только что стояла четверка бамбалов, никого уже не было, будто следопыты просто растаяли в затхлом насыщенном влагой воздухе.

Оглянувшись на остальных, Макс сообразил, что лишь он один бестолково лупает по сторонам глазами, его товарищи, не теряя времени даром, готовились к бою. В последний раз проверяли оружие, подтягивали ремни снаряжения, поправляли в карманах разгрузок тяжелые шары гранат. Только Карабас по всегдашнему обыкновению валял дурака. Стянув презерватив, закрывающий ствол автомата, предохраняя от попадания влаги, он надул его до размеров баскетбольного мяча, и теперь что-то выводил на нем красным маркером, от старания прикусив зубами кончик высунутого изо рта языка. Макс, обернувшись через плечо, с интересом

следил за Карабасом, силясь разобрать его каракули, это никак не удавалось, потому что наемник, пытаясь ловчее ухватить выскальзывающий из рук шар, закрывал половину презерватива рукавом. Наконец писатель справился со своей задачей и предъявил текст на всеобщее обозрение. «Вкусным черным девочкам от 22 бригады СпН ГРУ ГШ», – гласили кроваво-красные буквы.

– Написал бы уж от вольных стрелков. К ГРУ ты теперь имеешь такое же отношение, как пингвины к гонкам на верблюдах, – ворчливо прокомментировал творчество подчиненного Артур.

– Э нет! – многозначительно покрутил в воздухе пальцем Карабас. – Разведчик, он и в Африке разведчик. К тому же представьте, какая хохма будет, если этот гондон обнаружит кто-нибудь из наших «невероятных» противников. Панику подымут, мол, русские и сюда уже добрались! То-то смеху выйдет!

– Что-то я не пойму, так ты кому подарок оставляешь? Черным девочкам или штатовским морпехам? – качнул головой Артур.

– Лучше бы, конечно, девочкам... – с показной задумчивостью изрек Карабас. – Они мне больше по нраву... Но морпехи если что, тоже сойдут!

С этими словами он проделал несколько недвусмысленных движений тазом, помогая себе руками и состроив такую плотоядную гримасу, что наемники невольно покатались со смеху. Не поддержал общего веселья только Компостер.

– Клоун ты, – мрачно проговорил он, осуждающе глядя на Карабаса. – Какие тут тебе бабы, здесь разве что обезьяны по веткам скачут...

– Да не вопрос! – тут же подхватил рыжий наемник.

И под общее придушенное ржание одним росчерком маркера вымарал «черных девочек», быстро написав поверх «ОБЕЗЯНАМ».

– С мягким знаком, грамотей! – изнемогал от придушенного хохота Макс.

– Да ты что! Не может быть! – притворно удивился в ответ Карабас. – А я в книжке видел, без мягкого знака было написано!

– Ты? В книжке?! Брось заливать! Да ты кроме букваря и устава хоть что-нибудь читал в жизни?! – клокотал, еле сдерживаясь, Артур.

– Во! Точно, вот там и видел!

– Где? В букваре?!

– Не... Зачем в букваре, в уставе, – важно заявил Карабас. – Там что ни статья, то про обезьян. Военнослужащий обезьян, командир (начальник) обезьян, дневальный обезьян, одни обезьяны короче. И мягкого знака точно не было...

– Обязан! – уже рыдал в голос Максим. – Военнослужащий ОБЯЗАН, а не ОБЕЗЬЯН!

– Ну, надо же! – развел руками Карабас. – То-то я всегда думал, причем здесь обезьяны, а оно вона как вышло...

Вернувшиеся с обхода разведчики, как обычно, внезапно материализовавшиеся на поляне прямо из воздуха, с искренним удивлением смотрели на хохотавших до упада перед боем белых, цокали языками, качали курчавыми головами, думая о том, насколько все же силен дух белых людей, раз даже предстоящая схватка с таким опасным противником, как кигани не мешает им веселиться.

Тошнотворная сладкая вонь сторовшего человеческого мяса, принесенная со стороны лагеря людоедов легким, едва колыхнувшим заросли ветерком, заставила Максима болезненно сморщиться, мучительно сглатывая подкатившийся к горлу комок. К тому же он еще вовсе не ко времени вспомнил о том, что запах это, собственно говоря, попадающие в ноздри мельчайшие частицы самого вещества, и тут ему стало по-настоящему плохо. Стараясь глубоко дышать ртом, и поминутно с усилием проглатывая накопившуюся слюну, он старался отвлечься, сосредоточившись лишь на спине крадущегося впереди Компостера, сейчас в мире не существовало

ничего кроме этой спины и расплывшегося по ней темного пятна пота с белыми кристаллами выступившей по краям соли. Ничего больше: ни запаха паленой человечины и разлагающихся внутренностей, ни жужжащих на все лады москитов, ни этих пропитанных влагой джунглей, ничего, только мерно колышущаяся впереди в такт движению спина.

Сотню метров, отделяющую их от стоянки людоедов они преодолевали уже несколько минут, шли медленно с предельной осторожностью, ступая след в след за возглавлявшим колонну Мбонгой. То и дело замирая на месте и чутко прислушиваясь, в непроглядном зеленом море окружающих зарослей, где видимость ограничивалась несколькими метрами, а порой и расстоянием вытянутой руки, слух был куда как надежнее в плане обнаружения опасности, чем все равно практически бесполезное зрение. Остальные бамбалы двигались по бокам широкой цепью, бдительно следя за окружающей обстановкой, каждый миг готовые обнаружить любые поджидающие маленький отряд неожиданности и вовремя о них предупредить стрелков.

Наконец впереди замаячили сквозь поредевшие лианы, залитые солнцем просветы, обещающие скорый выход на относительно открытую поляну. Проглянули крытые пожухлой травой конусовидные постройки.

– А в избушке людоед! Заходи-ка на обед! – свистящим шепотом прошипел где-то за спиной неугомонный Карабас.

Шедший впереди Артур, развернувшись, молча показал ему кулак. В этот момент Мбонга, застыв на месте, поднял согнутую в локте левую руку, пальцы были плотно сжаты. Максим, сердце которого по мере приближения к цели похода начало все сильнее биться в груди, стремительным водопадом гоня бурлящую от адреналина кровь по венам, к счастью вовремя вспомнил, что этот сигнал означает требование остановиться и замереть там, где стоишь. Хорош бы он был, если продолжил бы, как ни в чем не бывало топтать себе дальше! Черт, надо собраться, надо быть внимательнее, нельзя отвлекаться! Ну же! Ну! Да, легко говорить, соберись и не волнуйся. А если это твой первый реальный бой? Если ты уже через несколько минут должен будешь впервые в жизни убить живого человека? Пусть он другой расы и вообще кровожадный дикарь и каннибал, но, тем не менее, он такой же человек из плоти и крови. Как тут не впасть в ступор, как ни трястись от переживаний? Хорошо тем, кто идет рядом, они давно уже преодолели этот рубеж, перейдя на другую сторону грани под названием: «Не убий!», разделяющей всех людей на две абсолютно разные категории. Ему же еще только предстояло сделать этот роковой шаг вперед, туда, за грань...

Несмотря на то, что в прошлом Максим много лет был кадровым офицером в раздираемой гражданской войной стране, реально участвовать в боевых действиях ему никогда не доводилось. Помня старое правило: «На войну не просись, от войны не бегай!», он не слишком комплексовал по этому поводу, весьма иронично относясь к «матерым воякам», любившим тяпнув сто грамм продемонстрировать к месту и ни к месту свою крутизну, разрывая на груди тельники и размазывая по опухшей морде пьяные сопли. Настоящих, понюхавших пороха и повидавших кровь бойцов уважал, те, как правило, вели себя намного скромнее, о войне вспоминать не любили, а уж если когда срывались, то разорванными тельняшками не ограничивались, но такого на памяти Максима практически не случалось. Разве что один раз, когда отмотавший две ходки в Чечню прапорщик-разведчик почти час терпеливо слушал бредни двух зеленых только с дерева лейтенантов, корчивших из себя перед девками в кабаке крутых вояк, а потом, после очень уж неудачного высказывания одного из них, молча встал из-за столика и отправил обоих героев на больничные койки. Макс был в тот день в патруле и первым оказался на месте происшествия, поразило его тогда, то, что прапорщик хоть и был пьян, вел себя абсолютно адекватно, не наглед, не оказывал сопротивления, а причины вызвавшие драку пришлось вытягивать из него прямо таки клещами.

Отчего-то Максим никогда не считал, что люди, которым пришлось в свое время где-то повоевать, становятся необратимо другими, это расхожее мнение ему казалось надуманным

и высосанным из пальца досужими репортерами, будто стервятники раздувавшими тему то афганского, то чеченского синдромов. Вместе с Максом служили многие нюхнувшие пороху, и никаких особых отличий в них не замечалось, люди, как люди, с такими же, как у всех сильными и слабыми сторонами, если взглядеться пристальнее, ни чеканного медального облика не получается, ни наоборот кровожадного злодейского. Самые обычные вояки, как и остальные изо дня в день тянущие нелегкую лямку действительной службы. Может и существовали какие-то там синдромы и тяжелые психические травмы, но, должно быть, это в большей мере относилось к насильно мобилизованным и необученными брошенным в смертельную мясорубку срочникам, не имеющим ни идеологической базы для того, чтобы преодолеть выпавшее на их долю испытание, ни четкой мотивации объясняющей, зачем и почему все с ними происходит. Тут, конечно, молодой пластичный ум, еще не закаленный житейскими битвами, не сформировавший четких жизненных установок, легко мог дать сбой, порождая те самые отклонения психики, что так смачно расписывали досужие журналюги. С умудренными жизнью, взрослыми мужиками, такие срывы, должно быть, не случались. Или они просто лучше мальчишек умели их прятать и маскировать? Скоро Максиму предстояло на личном опыте проверить правильность своих измышлений. А пока, надо было все же попытаться сосредоточиться на том, что предстояло сделать. Вон уже Артур машет рукой, призывным жестом подзывая своего напарника.

– Наш шалаш второй слева, – одними губами произнес командир, когда Макс присел с ним рядом, осторожно выглядывая на поляну из-за острых зеленых стрел непонятого растения. – Идешь за мной и держишь левую сторону и спину, понял?

Макс торопливо кивнул в ответ.

– Хорошо, доходим до шалаша и по сигналу гасим всех кто внутри, твоя сторона левая от входа.

Макс чувствуя, как неприятно взмокли сжимающие деревянное цевье «калаша» ладони, вновь согласно закивал, понял, мол.

– Носорог, – окликнул тем временем грузинского снайпера Артур больше не обращающий внимания на напарника. – Видишь его?

Горбоносый наемник, чуть приподняв закрывающую обзор ветку, согласно мотнул головой.

– Сделаешь его отсюда?

– Легко!

– Тогда давай, только аккуратно. Остальные приготовились. Как только Носорог стреляет, все вперед без команды.

– Даже если промажет? – скептически пробормотал Компостер.

– Особенно если промажет, – с нажимом ответил Артур, успокаивающе положив руку на плечо вскинувшегося было грузина. – Не отвлекайся, стреляй...

Максим пристальнее всмотрелся в видимый с его позиции кусок лагеря. Ничего особенно пугающего не заметил. Собранные на скорую руку из связанных между собой тонких ветвей, покрытые травой и тростником шалаша, обращенные входами к центру лагеря, откуда тонкой почти неразличимой струйкой поднимается вверх к небу легкий дымок. Тишина, даже неугодные птицы, кажется, примолкли в ветвях окружающих деревьев. Оставленный на охране дикарь Максиму был не виден. А очень хотелось, наконец, глянуть хоть одним глазком на столь разрекламированного противника. Он чуть подвинулся вперед, отодвигая мясистый, налитый соком лист неизвестного растения бывший размером с хороший лопух и закрывавший половину поля зрения, и тут же увидел ЕГО. Кигани сидел у костра, задумчиво глядя в чуть мерцающие затянутые серой пленкой золы угли. Был он костист и жилист, а из одежды признавал лишь набедренную повязку. Все тело дикаря было размалевано широкими белыми полосами, а лицо, сплошь выкрашенное в белый цвет, напоминало выбеленный временем череп. Черные

провалы вокруг глаз довершали впечатление. Максим замер, с жадным болезненным любопытством впитывая в себя малейшие черты человека, которому уже через несколько секунд предстояло умереть на его глазах. Умереть насильственной смертью, той, которой Макс никогда не видел живую. Живую не видел смерть, каков каламбур, а? Мысли летели в голове лихорадочной чехардой, путались, наткнулись друг на друга, звеня назойливым, раздражающим хором.

Резкой заливистой трелью прямо над головой Максима заверещала какая-то лесная птица. Дикарь, мгновенно развернувшись, вскинул голову, встретившись взглядом с неосмотрительно высунувшимся из-за прикрытия наемником. Их разделял какой-то десяток метров, может чуть больше, и Макс совершенно отчетливо мог рассмотреть людоеда, внезапно обострившимся зрением различая даже неровные мазки белой краски на его теле и сложный извив ритуальной татуировки, испятивший кожу. Людоед тоже видел его, в этом не было ни малейшего сомнения, но ни удивления, ни страха в глазах кигани Макс не заметил, только звериная ярость и жажда убийства кровавым огнем полыхала в них. Поединок взглядов продолжался всего несколько секунд, превратившихся для наемника в целую вечность, он был буквально парализован светившейся в глазах противника первобытной жестокостью, не знающей ни страха наказания, ни наложенных цивилизацией запретов. Руки тискали такое привычное, такое надежное железное тело автомата, но Макс не мог заставить себя вскинуть его к плечу. Неизвестно чем бы все закончилось, продлись эта дуэль взглядов, еще хотя бы несколько мгновений, не исключено, что Максим, бросив оружие, в ужасе кинулся бы бежать от страшного врага, но тут левая скула кигани будто взорвалась изнутри, выплеснув наружу щедрый мазок темной крови. Дикарь покачнулся и медленно, как в кошмарном сне начал валиться набок. Из невероятной дали, глухо, будто сквозь вату до Макса долетел металлический лязг автоматного затвора. Хлопка выстрела он так и не услышал, видно не зря так нянчил свой ПББС Носорог, тот и впрямь оказался вещью уникальной.

Дальше события завертелись с калейдоскопической быстротой.

– Давай, давай! Пошел! – шепотом рявкнул ему прямо в ухо Артур, сопроводив свои слова несильным пинком. – Левую сторону и спину! Не забыл? Давай, давай!

Он поднялся на ноги, как во сне, с четким ощущением нереальности всего происходящего. Невысокий кривоногий казах, смешно переваливаясь и косолапя, уже преодолел половину отделяющего их от шалашей расстояния, и Макс поспешил следом, бестолково озираясь по сторонам. Быстрые пятнистые фигуры бесшумно и плавно возникали тут и там из зажавших маленькую полянку в кольцо зарослей, пригибаясь, рвались к заранее намеченным для них целям, сторожко рыская по сторонам автоматными стволами. Продолжала надрываться где-то высоко в ветвях злополучная птица.

Заглядевшись по сторонам, Максим с маху ткнулся в спину застывшего у предназначенного им шалаша Артура. Тот, обернувшись, окинул его таким красноречивым взглядом, что Макс вдруг почувствовал, как стал минимум вдвое меньше ростом. Страшное лицо в тот момент было у командира отряда, не лицо, а жуткая маска африканского колдуна: вздернутая в волчьем оскале верхняя губа целиком обнажила мелкие покрытые желтым никотиновым налетом зубы, глаза – узкие щели, кожа бледная как мел, а левое веко к тому же мелко подрагивает, отсчитывая злой пульс частого нервного тика.

– На свою сторону, сука! Пристрелю! – жарко выдохнуло это незнакомое чужое лицо прямо в ухо Максиму и тот полупарализованный обрушившимся на него ужасом, спотыкаясь на каждом шагу, поспешил выполнить эту команду.

Оббегая шалаш, он с хлопком ступил ботинком во что-то мерзкое и скользкое, отчего нога подломилась в колене и поехала в сторону, перед лицом взметнулся целый рой огромных изумрудно-зеленых мух, шибануло в нос нестерпимой вонью, бросив сжавшийся желудок к гортани. Уже понимая, что именно сейчас увидит, он, осторожно опустил глаза, рассматривая покрытую жирными белесыми червями кучу вываленных на землю внутренностей.

Человеческих внутренностей... Ну или может быть какого-нибудь животного, мало ли кого они тут потрошили, попытался уговорить себя Максим с содроганием скребя изляпанным багрово-зеленоватой слизью ботинком о землю. Чтобы не видеть эту жуткую дрянь, он отвернулся и тут же поймал бешеный взгляд трясущегося от злобы Артура. Сообразил, что слишком долго и шумно возится, еще больше испугался и, прихрамывая на подвернувшуюся все-таки ногу, поспешил дальше, уже без лишних эмоций миновав заляпанную кровью конструкцию из связанных между собой жердей, на которой людоеды растягивали пленников перед потрошением. Точнее будет сказать, что охваченный стыдом, за свою неловкость, Максим ее попросту не заметил.

Наконец, запыхавшись от быстрого бега, изрядно взмокнув нервным холодным потом, он занял свое место с левой стороны от входа в шалаш. Внутри заглянуть он боялся, но даже отсюда, через тонкую тростниковую стенку доносились мерный храп и тяжелое дыхание спящих людей. Людей ли? После увиденной кучи кишок, следы которых бурными пятнами отпечатались на его ботинке, он уже сильно сомневался в праве людоедов называть себя людьми. Они и не называют, неожиданно вспомнил он рассказ Компостера. Вчера вечером, когда они еще только готовились к выходу, мрачный наемник объяснил ему, что кигани считают себя родственниками леопардов, произошедшими в далеком прошлом от этих диких зверей. А остальных людей они производят от обезьян, которыми леопарды традиционно с удовольствием закусывают, так что каннибализм для них не более ужасен, чем обычная охота пятнистого хищника. Мелькнувшая на самой периферии мозга мысль отчего-то вызвала нешуточный прилив ярости. Ну, держитесь, леопердыта, сейчас потомок обезьян научит вас правильно жить в этом мире! Он крепче стиснул в руке автомат, кинув нетерпеливый взгляд на замершего с другой стороны от входа Артура. Однако командир был слишком поглощен тем, что вертя головой во все стороны отслеживал, как остальные двойки занимают свои места.

Когда добежавшие последними до самого дальнего шалаша Носорог и Компостер махнули руками, показывая, что готовы, Артур, уже не скрываясь в полный голос гаркнул: «Бей!», и одним слаженным перекатывающимся движением выметнул свое тело к темному проему входа в шалаш. Максим последовал его примеру, голова была пустой и одновременно жарко-тяжелой, ни одной связной мысли, тело действовало, будто само по себе, подчиняясь заранее заложенному алгоритму. Автоматный ствол ткнулся в бормочущую, храпящую темноту убогой постройки, глаза со света не различали лежащих в ней тел, но в тесноте шалаша это и не требовалось, ни одна пуля не должна была пропасть даром. Указательный палец давно уже нервически подергивался на спусковом крючке, оставалось только плавно давануть его назад, и кромсать свою половину постройки длинными очередями пока не кончится магазин. Казалось бы все так просто, только одно движение пальца, ничтожные доли секунды, совсем маленькое движение маленького кусочка плоти, не требующее никаких усилий. Но сделать его оказалось так же тяжело, как сдвинуть с места гору, Макс застыл, оцепенев перед черной бездной входа. Входа куда? В голове бушевал огненный смерч, руки и ноги стали непослушными, будто ватными. Он с ужасом почувствовал, что необратимо проваливается в черную пустоту самого тривиального обморока, одно за другим теряя чувства и ощущения, полностью растворяясь в этой гулкой пустоте. И уже никакие усилия не могут вернуть его обратно в мир цветов и звуков, туда, где Артур, оставшийся без поддержки вот-вот должен был вступить в бой с уже просыпающимися, завозившимися в темноте дикарями. Вселенная застыла на краю пропасти и он, лишенный возможности хоть как-то повлиять на происходящее, обездвиженный, будто вплавленная в янтарь муха, мог лишь тупо смотреть, как неспешно разворачивается действие внутри багрово-красного морока полностью подчинившего себе его мозг.

Наваждение разрушил ударивший в уши грохот, треснула, разламываясь кусками, сжавшая его янтарная корка, в нос ударила потная вонь давно не мытых тел и пороховая кислотина. Краем глаза он зацепил невероятно яркое пламя, бьющее во все стороны из компенсатора пля-

шущего в руках Артура автомата. Темнота впереди отозвалась криками и стонами, смачными шлепками пуль и смутной возней. И тогда Максим легко и просто нажал на спуск, четко понимая теперь, что все вокруг всего лишь горячечный бред, что ничего этого нет на самом деле, что автоматная дробь, вопли ярости и боли, забористая русская матерщина летящие со всех сторон лагеря ему только чудятся, что он каким-то образом выпал из привычного мира, перенесясь куда-то в иное измерение, которого на самом деле нет. Ведь это не может быть правдой, не могут быть правдой материализовавшиеся из забытой детской сказки людоеды, не может быть правдой хладнокровный расстрел спящих людей... Всего этого нет, наверное, он просто подхватил малярию, или лихорадку, несмотря на сделанные прививки и профилактические таблетки, и сейчас валяется в пышущем жаром бреде... А раз вокруг только бред, то и жить надо по его законам. И он продолжал, раз за разом жать на спусковой крючок, посылая веером перед собой смертоносный свинец. И когда вдруг из темноты прямо перед ним возникло чужое, закаменевшее напряженными мышцами тело, а в лицо ударил зловонный смрад дыхания людоеда, он ничуть не испугался, и четко поведя стволом автомата, буквально разрубил его пополам длинной очередью в упор, отбрасывая кошмарное виденье назад в темноту, из которой оно появилось.

И схлынуло. Каким-то необъяснимым шестым чувством Максим вдруг понял, что все закончилось. И даже не стал менять израсходованный полностью магазин. Темнота дышала сгоревшим порохом, тяжелым запахом крови, смертью. В шалаше больше не слышалось стонов и тяжелого дыхания, не видно было ни малейшего шевеления, темнота была мертва, он убил ее. Да впрочем, не такая уж она была и темнота. Сквозь многочисленные щели внутрь убогого строения острыми пиками вонзались солнечные лучи, давая вполне достаточно света, чтобы разглядеть скорченных на земле людей. Четверо, скрученные невыносимой болью в эмбриональные позы, щедро испятнанные кровью многочисленных ран, вяло струящейся по уже мертвым телам, размывающей потеками белую краску ритуальных полос. Почему он раньше не видел их? Здесь достаточно света... Почему всего несколько секунд назад ему приходилось стрелять в абстрактную тьму? Нет ответа...

Пошатываясь и бессильно уронив сжимающую автомат правую руку, он пошел куда-то в центр лагеря, в ушах звенели выстрелы, перекатываясь на все лады. Почти рефлекторно, не задумываясь над тем, что делает он, отсоединил пустой магазин, воткнул его в карман разгрузки, а к автомату пристыковал новый. Зачем? Кто мог угрожать ему в разгромленном лагере? В какой-то момент рядом мелькнула довольная физиономия Мбонги, что-то пытавшегося втолковать ему на ломанном французском, потом откуда-то сбоку выплыл Карабас и тоже долго говорил, смешно шевеля толстыми губами и морща покрытый веснушками нос. Максим не выдержал и все-таки истерично хихикнул, и тогда рыжий наемник, видимо обидевшись, оставил его в покое. В самом центре лагеря людоедов был вкопан в землю толстый гладко отполированный шест украшенный яркими птичьими перьями и разноцветными лентами, венчал его пожелтевший от времени огромный череп, похоже, принадлежавший когда-то буйволу, или кому-то еще в этом роде. Почему-то этот иссохший череп как магнитом притягивал взгляд Максима, всмотревшись в него пристальнее, наемник разглядел, что уже много лет мертвая черепушка ему улыбается, мерзко скаля, сгнившие, полустертые зубы.

– Сука, – сказал ей Максим, поразившись, каким противным режущим стал его голос.

Череп расплылся в довольной ухмылке и каким-то непостижимым образом подмигнул ему пустой глазницей.

– Сука! – уже более осмысленно повторил Максим, поднимая автомат.

Теперь он ясно видел, что зубы черепа густо намазаны запекшейся свернувшейся кровью, человеческой кровью.

Выстрел грохнул неожиданно громко. Пуля, без малейшего усилия проломив кость, ушла куда-то в зеленую стену джунглей, оставив в черепе аккуратную дырку. Максим разочаро-

ванно опустил оружие. Череп в ответ разразился торжествующим каркающим смехом. Максим оглянулся по сторонам, из-за ближних шалашей выглядывали встревоженные стрельбой наемники, но на заливающийся издевательским хохотом череп они не обращали никакого внимания. Неужели не слышат? Череп заговорщицки подмигнул, прощмакав неровными гнилыми зубами:

– Конечно, не слышат! Только мы вдвоем можем говорить друг с другом, только ты и я. Ты взял чужую жизнь. Теперь мы навсегда вместе, теперь ты мой. Мой!

– Врешь, сука! – выкрикнул Максим. – Сдохни, тварь!

Автомат запрыгал, забился в его руках, посылая свинец в хохочущий череп. Половина пуль, конечно, прошла мимо цели, но попавших вполне хватило, высохшая от времени изукрашенная кровавыми узорами костяшка разлетелась брызнувшими в разные стороны черепками.

На него навалились сзади, сильные руки вырвали и отбросили в сторону автомат. Кто-то перехватил локтем горло, лишая возможности сопротивляться. Он бился изо всех сил, кричал, брызгая во все стороны слюной, что они ничего не понимают, пытался что-то объяснить. В конце концов, тот, кто держал его за горло, просто нажал посильнее, в голове крутнулся огненный хоровод мерцающих звезд, свернулся спиралью Млечного пути, и наступила долгожданная темнота. Не та, жаркая, пахнущая порохом и кровью, а холодная и пустая, отстраненная темнота космоса, которой нет дела до мелких дел букашек зовущихся людьми.

Пришел в себя он от хлесткой пощечины, истерично хватанул губами насыщенный влагой воздух и лишь потом открыл глаза, встретившись взглядом с присевшим перед ним на корточки Артуром.

– Ты как, парень? – в голосе искреннее волнение и забота.

– Вроде нормально, только дышать трудно, – горло, будто тисками перехватили, слова еле выталкиваются из него наружу, звучат сиплым почти неслышным шепотом.

– Это ничего, пройдет. Леший слегка перестарался. Но ты сам виноват, до смерти нас всех перепугал. Ты чего шмалять-то начал?

В голове крутнулись отрывочные несвязные воспоминания о смеющемся черепе, нет, такого говорить точно нельзя, решат, совсем с катушек слетел...

– Не помню... – Макс беспомощно пожал плечами. – Нашло что-то...

– Угу... ясно, – покивал головой Артур. – Попервости бывает иногда. Напугал ты нас, думали, у тебя крыша съехала.

– Да нет, нормально все...

– Нормально, – с сомнением протянул маленький казах. – Ну, смотри. Пока сиди тут, отдыхай. И вот еще, на, глотни.

Металлическое горлышко фляжки ткнулось в безвольные губы, он автоматически втянул в себя теплую, остро пахнущую жидкость и закашлялся. Вокруг засмеялись. Карабас поведя носом и сделал стойку, как хорошо выдрессированная охотничья собака поинтересовался:

– Водка?

– Обижаете... Чистый спирт, – хитро прищурился Артур.

Максу уже было все равно, внутри разливалось приятное тепло, жидкий огонь растекался по жилам. Вскоре в мозгу плеснула ласковая приливная волна, зашумела в висках, смывая все перипетии сегодняшнего дня, делая все вокруг мелким и неважным.

– Ну, чего встали?! Цирк вам здесь что ли?! – словно издалека донесся до него голос Артура. – Осмотреть лагерь, проконтролировать работу, собрать все ценное, если что найдете. Вперед, не стоять, черти-турки!

Потом из поплывшего перед глазами тумана вынырнуло широкогубое с приплюснутым носом лицо Мбонги. Командир следопытов долго всматривался в глаза Максима, что-то приговаривая на суахили, а может и на каком-нибудь другом местном наречии, жалостливо цокая языком и укоризненно качая головой.

– Плохо... Совсем плохо... – произнес он наконец по-французски.

Мбонга еще что-то говорил, но Максим уже не слышал его, провалившись в черную яму тяжелого сна без сновидений.

Проснулся он как-то разом, вскинувшись с поросшего мягкой уютной травой бугорка к которому привалился. Сон не принес ожидаемого облегчения, ничуть не освежил и не прибавил сил, зато не было и расслабленной неги долгого перехода к бодрствованию с постепенным осознанием себя как части окружающего мира, сразу включился в обстановку по полной.

Разбудили его удивленные крики наемников, вызванные появлением из дальнего конца лагеря странной группы. Леший и Компостер на пару волокли грязное абсолютно голое, изможденное существо, некогда бывшее по все видимости человеком и судя по некоторым деталям даже мужчиной. Найденыш вяло пытался перебирать ногами, повиснув на крепких плечах наемников, получалось у него из рук вон плохо, только изредка ему удавалось сделать шаг или два, по большей же части его нижние конечности просто бессильно волочились по земле вслед за увлекаемым вперед телом.

– Это еще что за на хер? – удивленно воззрился на найденыша Артур, получив в ответ лишь бессмысленный взгляд девственно голубых глаз.

Тут только до командира отряда дошло. Голубые глаза! Здесь, в Африке!

– Не понял, бойцы... Он что, белый?

– В данный момент, по-моему, не белый, а очень даже разноцветный, – съехидничал, пользуясь случаем, Компостер.

– Поостри мне еще, военный! – дежурно пригрозил Артур. – Где вы это откопали?

– Где откопали, там больше нету, – все не унимался Компостер.

– Там, у самого леса, в клетке сидел, – прогудел, неопределенно махнув рукой в сторону, Леший.

– В клетке, говоришь, – нахмурился Артур. – Пленный что ли? А чего же не сожрали? Побоялись отравиться мясом белого? А? Слышишь меня, ты, обрубок?

Пленник и не подумал что-то ответить, все так же тупо глядя в одну точку.

– А ну, кто-нибудь, плесните на него водичкой, может в чувство придет, – распорядился Артур.

Карабас отцепил от поясного ремня флягу и, широко размахнувшись, окатил найденыша водой. В следующий миг произошло непредвиденное, произошло так быстро, что даже тертые и выдавшие виды наемники не успели среагировать. Только что бессильно висевший на руках Компостера и Лешего изможденный полумертвый человек, одним прыжком оказался возле Карабаса, непостижимым образом вырвавшись из рук державших его бойцов. Цепкая, покрытая коростой грязи, похожая на лапу диковиной птицы ладонь жадно вцепилась во флягу, походя вырвав ее из руки опешившего Карабаса. Пленник жадно припал губами к металлическому горлышку, захлебываясь и с трудом успевая проглотить всасываемую жидкость. Литровая фляжка опустела в минуту, но и тогда найденыш не бросил ее, продолжая выдавливать, вылизывать последние капли. Внимательно наблюдавший за происходящим Артур повелительным жестом махнул Компостеру и тот, с опаской бочком пододвинувшись к найденышу, протянул ему свою фляжку. Пленник стремительно схватил новую порцию, но первую флягу так и не бросил, крепко зажав между ног. Фляжку Компостера он опустошил уже медленнее, периодически отрываясь, смакуя питье. Когда она все-таки опустела, найденыш осторожно опустился на землю, уже более осмысленно оглядев своих спасителей.

– Спасибо за вода, – произнес он по-французски хриплым срывающимся голосом. – Я уже умирать от жажды. Кто вы?

То, что французский язык для него не родной было сразу заметно по корявому построению фраз и жуткому акценту. Артур ответил ему в том же стиле:

– Мы охрана места, где добывать руда. Мы убить дикарей и (как же это, бля, по ихнему? О, вспомнил!) освободить. Да, освободить ты из плен!

Эта речь произвела на пленника эффект разорвавшейся бомбы, он долго бестолково лупал глазами, в волнении сжимая и разжимая кулаки, уставившись на уже начавшего беспокоиться, что что-то не так сказал Артура. Наконец его как прорвало:

– Бля! Вы сказали, бля? Так вы русский, мать моя женщина, а я тут комедию ломаю! Русский, надо же!

Обступившие изможденного голого мужика наемники с удивлением смотрели на светлые дорожки, промытые текущими из его глаз слезами на покрытом коркой грязи лице.

– Во блин, и здесь соотечественника нашли, – удивленно протянул Карабас. – Куда ни плюнь, в своего попадешь. А они там удивляются в правительстве, что в России народу мало осталось. Ясен пень мало будет, если русские по всему миру шляться начали!

– Кто вы? Как здесь оказались? – присел рядом с найденным Артур.

– Майор Богданов, – как-то разом распрямив плечи и расправив грудь, представился пленник. – Военный наблюдатель миссии ООН.

Артур удивленно присвистнул.

«Сюрреализм какой-то, – думал меж тем, прислушиваясь к разговору Максим. – Майор, старший офицер сверхдержавы, обладающей ядерным оружием, в двадцать первом веке оказывается в плену у поклоняющихся буйволиному черепу дикарей, находящихся на самой примитивной ступени развития. И вся мощь этой самой державы не может им помешать посадить майора в клетку. Не может, или не хочет... Что для майора в принципе одно и то же... Просто державе наплевать и на него, и на два десятка своих граждан, охраняющих здесь за деньги прииск, металл, добытый на котором, возможно превратится в конденсаторы и полупроводники в головках наведения нацеленных на нее же ракет, вольется в сверхпрочные сплавы из которых состоят их корпуса. Ей на все плевать этой державе, не поворачивается язык назвать ее Родиной... Вот только мы сами, что мы-то тут делаем? Что забыл в этих джунглях этот майор? Что нужно здесь Артуру и Компостеру? Лешему и Карабасу? А я? Что хочу найти здесь я? Как я здесь очутился?»

Полигон, дорога в Африку

Мобильник запиликал сигналами вызова в тот момент, когда шел самый сладкий уже предутренний сон. Макс дернулся на кровати, пытаясь в темноте на ощупь нашарить нагло исходящий бодрой электронной музыкой аппарат, конечно, промазал, сбросил что-то гулко ударившееся об пол с журнального столика, что-то просто опрокинул, и оно покатилося по полированной поверхности. Пришлось все-таки разлеплять глаза и высматривать где же там светится телефонное табло. Тут только до него дошло, что аппарат играет вовсе не ту мелодию, которая была установлена в качестве будильника, а залихватскую тему из популярного сериала «Солдаты». Стало быть, кто-то из своих решил побеспокоить среди ночи. Сделав над собой нешуточное усилие Максим, все же приподнялся на локте, сумев дотянуться до телефона.

– На связи, – говорить со сна сплошное мучение, хриплые звуки совершенно чужого незнакомого тембра еле вылетают изо рта, на том конце вполне могут и не узнать.

– Утро доброе, – звонко и жизнерадостно откликнулась трубка голосом начальника отдела.

Этот не узнает, как же! Ну и чего понадобилось начальству ни свет ни заря?! Уроды, самим не спится, так чего остальных-то дергать?!

– Утро добрым не бывает!

– Э нет, утро всегда доброе, это люди злые, – дежурной шуткой отвечает начальник.

Максим будто наяву видит, как он улыбается сейчас, прижимая к уху телефонную трубку. При этом нос его смешно морщится, а глаза собираются в узкие щелочки, из которых так и выглядывают веселые бесенята. На фоне бесцеремонно прерванного сна эта картина раздражает донельзя.

– Ладно. Чего хотел-то?

– Хотел? – начальник держит томительную паузу, делая вид, что забыл, зачем собственно позвонил, и только когда Макс начинает уже свирепо дышать в трубку, выдает: – А, вспомнил! Тревога у нас. Поступила команда: «Сбор!» Доведи своим.

Вот оно что! Тревога у них видите ли! Максим с трудом проглотил подкатившее к горлу возмущение, ну сколько можно, в самом деле, играть в солдатиков?! Взрослые мужики в серьезных погонах, а все туда же, ежемесячные тревоги. Третью мировую репетируют, не иначе. Вот только так бестолково, что волосы на голове дыбом встают. Долбоебы строят надолбы, потом их героически преодолевают!

В слух, поскольку уже проснулся окончательно и ясно осознавал всю бесперспективность напрасного сотрясения воздуха, сказал другое:

– Хорошо, принял. Во сколько прошла команда?

Вопрос отнюдь не праздный, для действий по команде «Сбор» установлен жесткий норматив. За полтора часа после ее объявления, личный состав должен быть оповещен, поднят из постелей, одет и доставлен к месту построения.

– Объявлено в пять тридцать, – откликается трубка. – Значит в семь все на рампе.

– Хорошо, сделаем.

Нажав на клавишу отбоя, Максим еще несколько секунд тупо смотрел на светящийся дисплей мобильного. Пять сорок пять. Черт! Еще целых пятнадцать минут можно было спать! Чтоб они провалились, эти штабные деятели, вместе со всеми их тревогами и учениями! Полководцы, бя! Однако время не ждет, надо поднимать своих орлов. Быстрый мысленный подсчет подсказывает, что сегодня нужно сделать всего три звонка. Остальные кто где: наряды, отпуска, командировки... Счастливы! Хотя бы временно выпали из вечного заколдованного круга и не участвуют в этом дурдоме. Как же надоело-то все, господи, кто бы знал!

Летят по холодному эфиру сигналы мобильных телефонов, гудят от напряжения ретрансляторы сотовой связи. Научно-испытательный центр войсковой ПВО встает по тревоге. Два звонка прошли примерно в том же режиме, что и предыдущий разговор с начальником: вялое сонное чертыхание, посылание всех и вся, пожелание всех возможных кар на головы штабных идиотов, своими играми мешающих жить нормальным людям и, наконец, уже адекватные и четкие фразы: «принял, буду, понял». Особо порадовал третий и последний звонок, адресованный младшему научному сотруднику Борису, целому капитану, между прочим. Трубку сняли примерно на десятом гудке, после чего наступила тишина. Но не мертвая безличная тишина отключенного телефона, а тишина живая, полная напряженного сопенья, тяжелого дыхания и хриплого взрыкивания. И больше ничего. Ни традиционного «да», или «алло», ни военного «на связи», ни интеллигентного «слушаю вас», только ощущение чужого недоброго присутствия на линии.

– Паша? – почему-то понизив голос почти до шепота, осторожно позвал Максим. – Паша, это ты?

Трубка напряженно дышала, видимо соображая, Паша ли то, что находится на том конце. Ответ был найден примерно в течение двух минут и оказался положительным.

– Ну? – буркнули из трубки, и Максим облегченно вздохнул, узнав голос своего подчиненного.

– Что, ну? Тревога у нас, слышишь. Подъем! Тревога! Волк унес зайчат!

– Каких еще зайчат, на хер?! Какая тревога?! Как вы все меня уже...

После этого младший научный сотрудник говорил еще примерно пять минут, ни разу не повторившись, но содержание его речи принципиально не воспроизводимо на бумаге.

Когда, наконец, фонтан капитанского красноречия иссяк и начал давать явные сбои, Максим с удовольствием слушавший, все же прервал его:

– Короче, проснулся уже, или нет?

– Ну, проснулся, дальше что?

– А дальше, чтобы в семь часов был на рампе, понял?

– Да понял я, понял... Может на такси поедем, начальник?

– Запросто, как раз сам хотел тебе предложить.

– Во сколько тогда выходим?

– Ну, давай без пятнадцати семь, встречаемся на «пяточке». Там тачку и возьмем.

– Хорошо, давай!

– Ага!

В принципе весь подъем по тревоге в этом и заключался – созвониться и прибыть в заданное время в нужную точку. Короче проверка того, умеет ли офицер пользоваться мобильным телефоном и не зазмет ли денег на такси. Максима уже давно так и подмывало написать рапорт по команде с уведомлением всех интересующихся этим вопросом начальников, что мобильный телефон у него есть, пользоваться он им умеет, а деньги, которые можно потратить на такси, слава богу, пока еще ежемесячно выдает Родина, которую он худо-бедно здесь защищает. Возможно, тогда бы, наконец, решился вопрос с этими постоянными тревогами, и начальство спокойно спало бы ночью, зная, что уровень боеготовности подполковника Чубукова Максима Леонидовича, начальника лаборатории испытаний переносных зенитных комплексов «Стрела» и «Игла», неуклонно растет.

К месту построения на железнодорожной рампе испытатели лихо подкатили на раздолбанной «копейке», управляемой разбитным мужиком, давно выслужившим предельной возраст офицерской службы, но так и не получившим ни обещанного жилья ни сертификата на него. Обидевшись в результате на весь мир, вояка просто бросил ходить на службу, появляясь в своей части раз в десять дней, чтобы не пришили уголовно-наказуемое дезертирство, и подрабатывал теперь частным извозом в одной из многочисленных фирмочек такси, набиравших

водителей вместе с их же транспортом. Посочувствовав на прощание поднятым ни свет, ни заря по тревоге офицерам, водитель урулил по своим таксистским делам, а Чубуков с Борисовым торжественно вступили на железнодорожную рампу.

Про эту рампу следует пояснить особо, ибо она является для большинства военнослужащих полигона очень часто посещаемым и практически святым местом. Возникла она на полигоне вовсе не случайно. Раньше на Четвертом Государственном занимались преимущественно испытаниями стратегических ракет под эгидой Ракетных Войск Стратегического Назначения, по простому РВСН. Такое положение дел сохранялось довольно долгое время и, естественно, вся инфраструктура полигона была заточена именно под обеспечение пуска огромных космических монстров. Основные площадки: стартовые, монтажные, испытательные были отнесены от самого городка, где проживали военнослужащие и их семьи на солидное расстояние, дабы в случае непредвиденных происшествий обеспечить гарантированную безопасность жилой зоны. Регулярно возить туда личный состав автомобильным транспортом влетало в солидную копейку, а, кроме того, было просто не удобно, так как требовало создания дорог с большой пропускной способностью и огромного парка приспособленных для перевозки людей машин. При Союзе подобные проблемы решались просто, но с размахом и вдохновением, потому мановением руки и пера кого-то из больших начальников между жилой зоной и площадками легли стальные нити железнодорожных рельс, и закурсировал самый настоящий пассажирский поезд с паровозом, вагонами и проводниками...

Со временем, подкошенные прекратившейся гонкой вооружений, мирными инициативами правительства и постоянным сокращением стратегических сил, испытательные работы на полигоне практически заглохли, ограничиваясь одним-двумя пусками в год. Что само собой не могло оправдать затрат Министерства обороны на содержание нескольких тысяч солдат и офицеров, а также разветвленной структуры, расположенных среди голой степи, площадок, которые необходимо было обеспечивать электроэнергией, теплом, водоснабжением. В Москве на руководство РВСН и полигона начали посматривать косо, поговаривая о необходимости сокращений. Но вошедший к тому времени в силу, самый молодой вид Вооруженных Сил без боя сдаваться не пожелал, пробив-таки решение о проведении на полигоне испытаний тактических ракетных комплексов родственной тематики. Потом туда же перевели комплексы стратегической ПВО. И, наконец, настал черед передислокации из ставших в одночасье за границей казахстанских степей тематики ПВО войсковой.

Постоянное вливание «свежей крови» позволяло полигоновскому начальству победно рапортовать о ведущихся на их базе интенсивных испытательных работах, вот только доля стратегических ракет в них так и оставалась на уровне одного-двух пусков в год. Однако сократить столь продуктивно работающий полигон теперь никому уже в голову не приходило. Больше того именно в этот период полигон приобрел вдобавок к «Испытательному» загадочное наименование «Межвидовой» и более прозаичное «Центральный». Так вот и жили одной большой, но отнюдь не дружной семьей бок о бок несколько испытательных центров испытывающих каждый свое вооружение. Причем новых площадок само собой никто для них создавать не стал, не те времена на дворе стояли, не было на всякую ерунду у обанкротившегося государства денег. У Абрамовича и Березовского были, а вот у государства нет, что же поделывать. А потому стали испытатели жить на тех же площадках, которые в свое время строились для стратегов, на солидном удалении от жилой зоны.

Центр войсковой ПВО, в котором проходил службу Максим, располагался аж в пятидесяти километрах от самого городка, и испытателей туда ежедневно доставляли специальным поездом из двух десятков вагонов, попутно закидывая тем же составом тактических ракетчиков и часть стратегов. Прибывал поезд ежедневно в семь тридцать на специально построенную рампу, которую еще при основании полигона какой-то шутник расположил примерно в трех километрах от основной жилой зоны, наверное, чтобы лязг колес не тревожил мирный

сон жителей. Некоторые энтузиасты физической культуры и спорта ежедневно преодолевали расстояние до рампы пешком, другие ездили на запущенных предприимчивыми отставниками, понимающими нужды военных, частных рейсовых автобусах. Таких само собой вышло большинство. Можно было считать, что транспортная проблема вполне решена, и лишь в «тревожные» дни, когда Главному штабу полигона приспичивало в очередной раз поиграть в солдатиков, взмыленные военнослужащие в панике начинали ловить такси, чтобы добраться к месту отправки поезда на полчаса раньше обычного.

Сам поезд, называемый мотовозом тоже был невероятно колоритен. Тягаемый двумя маленькими локомотивами, которые железные дорожники отчего-то зовут «маневровыми», он насчитывал восемнадцать купейных вагонов набитых военнослужащими и гражданским персоналом буквально под завязку. В купе, к которому был приписан Максим, должно было ездить ни много, ни мало, четырнадцать человек. Спасало только то, что все вместе эти четырнадцать не оказывались в мотовозе практически никогда: люди ходили в наряды и отпуска, болели, уезжали в командировки. Однако даже вдесятером в одном купе ездить достаточно некомфортно. Особенно в зимнюю стужу, когда проводницы экономящие уголь для продажи налево в прилегающих селах, просто поддерживают в вагоне температуру чуть отличную от нуля, заставляя этот десяток ехать, не снимая бушлатов и верхней одежды, вжимаясь друг в друга на узких полках. Особенно, в летнюю жару, когда традиционно не работает кондиционер, а из снятого в отчаянии полностью окна дует сухой и жаркий как из пылающей печи степной ветер, когда раздетые до пояса, лоснящиеся от текущего пота тела, мерзко скользят, упираясь в чужие плечи. Особенно в осеннюю слякоть, когда жидкая грязь смачно чавкает в коридоре и туалетах, а промозглый стылый ветер забирается в щели, гудит за окном, рассыпая мелкий бисер дождя по стеклу. Весной хорошо ездить, распахнул двери в тамбуре и дыши полной грудью наливающейся жизненными соками, покрытой зеленью степью, лови лицом первые ласковые лучи окрепшего солнца. Вот только быстро проходит в этих краях весна, сменяясь испепеляющим летним жаром, пара недель и все...

Пятьдесят километров мотовоз преодолевает за рекордное время, от двух до трех часов. Вызвано это тем, что рельсовый путь давно уже пришел в негодность, а менять его некому и не на что. Денег нету у государства, деньги у Абрамовича и т. д., смотри выше. Но проблему же как-то надо решать? А то! Решение простое, как колумбово яйцо, но действенное. Снизить максимальную скорость движения мотовоза до двадцати километров в час, на отдельных, особо опасных участках до десяти! Все! Даже если слетит колесо с разъехавшихся в стороны, выдранных с мясом крепления рельс, или лопнет, вырывая кусок полотна, давно прогнившая шпала, на таких скоростях никто не убьется и не покалечится. Езди, не хочу! Не хотят. Но ездят. Порой наматывают за годы службы расстояние равное десятку экваторов. Десять раз вокруг света в компании лучших друзей! Где вы такое еще испытаете?! Поэтому я выбираю службу по контракту!

Картина навсегда: один из испытателей, грешным делом о себе возомнивший, пожелал стать кандидатом технических наук. На экзамене кандидатского минимума по иностранному языку, молоденькая «англичанка» кокетливо строя глазки симпатичному майору, попросила его рассказать о своей службе. Экзамен, естественно, проходил не на полигоне, а в одном из научных центров новой России, на полигоне диссертационных советов, экзаменационных комиссий и прочей аналогичной живности отродясь не водилось, не климат, там для них. Далековато от столицы, да и вообще в воинских частях научных деятелей особо не привечают. Так что обстоятельства службы «настоящего живого офицера» да еще без обручального кольца на соответствующем пальце «англичанку» интересовали вполне искреннее. Вот она и спросила, пользуясь, так сказать, служебным положением. Парень долго объяснял про испытания ракет, но, конечно, не смог обойти столь впечатляющей детали своей жизни, как ежедневные пять-шесть часов в мотовозе. Вот только он не знал, как мотовоз звучит по-английски, в конце кон-

цов, с отчаяния обозвал его просто «military train». Бедная «англичанка» в удивлении вытаращила глаза: «Бронепоезд?! Вы служите на бронепоезде?!» «Yes», – обреченно кивнул будущий кандидат технических наук, а что ему еще оставалось?

Рампа меж тем быстро заполнялась одетыми в одинаковую пятнистую форму фигурами. Прибывшие раньше других уже неспешно разбирались по подразделениям, привычно выстраиваясь в колонны, толкаясь и переругиваясь, норовя выпихнуть в первые ряды тех, кто помоложе, или просто не станет лишним раз нарываться на скандал. Остающиеся позади, чувствовали себя гораздо свободнее, чем те, кто вынужден стоять перед глазами начальства. В конце строя вполне можно втихую покурить, обсудить с соседями последние новости, поделиться свежим анекдотом или последними сплетнями. Словом, там гораздо веселее, чем в первых рядах.

Перед формирующимся строем ПВОшного центра, важно заложив руки за спину, неспешно прохаживался заместитель командира части полковник Катков Петр Валерьевич. С первого взгляда на его кряжистую фигуру возникало ощущение крестьянской основательности и честного пролетарского происхождения. Впечатление отнюдь не было обманчивым, полковник происходил родом из глухой сибирской деревушки, в общении был прост и незамысловат, зато предельно конкретен. С десяток лет назад, пока еще не набрал пришедшей с возрастом солидности и матерости, он мог, к примеру, не чинясь и не мудрствуя, зарядить с размаху поросшим рыжей щетиной кулаком прямо в душу слишком тупому или чрезмерно борзому бойцу, а то и офицеру. Но с тех пор много воды уже утекло, погузнул полковник, заматерел, порастратил склонность к резким движениям. К тому же и последние армейские веяния лишней фамильярности с личным составом отнюдь не способствовали, слишком грамотными стали в свете многочисленных военных реформ подчиненные, чуть что прокурору пожаловаться норовят. Расхлебывай потом...

Сейчас Петр Валерьевич задумчиво расхаживал перед строем, делая вид, что больше всего его интересует поскрипывающий под ногами мелкий снежок, за ночь покрывший рампу невесомой белой взвесью. Но обмануться отстраненным видом полковника мог лишь человек полностью несведущий, и в замкнутый мирок испытательного центра попавший впервые. Чубукова с Борисовым к таковому отнести было нельзя ни в коей мере, потому, остро глянув на часы и четко уяснив для себя, что к месту построения они опоздали уже на полторы минуты, оба офицера предприняв хитрый обходной маневр, подкрались к шумно гомонящей толпе сослуживцев с тыла. Вроде бы и вовсе не прячась, но, тем не менее, двигаясь так, чтобы торчащие в разные стороны, подернутые инеем ветви росшего вдоль рампы кустарника, постоянно прикрывали их от разгуливающего перед линией построения полковника. Ни к чему лишним раз рисоваться, мы не гордые и с тылу в строй встанем. Несколько опухший после вчерашнего похода за пивком Борисов, в силу похмельного синдрома мыслящий несколько нестандартно, в дополнение к уже принятым мерам предосторожности, облизал указательный палец и почти безошибочно определил направление ветра.

– От него к нам тянет, – заговорщицки сообщил он о результатах своих исследований Максиму. – Не почувет!

Чубуков лишь выразительно на него глянул, не сочтя нужным на это отвечать. Уже через минуту они, старательно делая вид, что всю сознательную жизнь тут и были, стояли в задней шеренге коробки научного управления, перемигиваясь с соседями и пожимая протянутые в приветствии руки.

Подполковник Афанасьев, уже год как временно исполнявший должность начальника их отдела, скорчил опоздавшим офицерам страшную рожу и свистящим шепотом сообщил:

– Ненавижу опоздунов!

– Опозданцев, Петрович, – невинно хлопая глазами, поправил его Максим. – Мы больше не будем...

– Ага, как же! Так я вам и поверил! – пробурчал Петрович, исподтишка показывая Борису кулак.

– Есть, шеф! – гаркнул тот, вытягиваясь в струнку. – Разрешите искупить кровью?!

– Разговоры, там! – делая страшное лицо, обернулся стоящий на правом фланге начальник научного управления полковник Мордашка.

– Есть, разговоры... – нарочито удивленно протянул в ответ кто-то из середины строя, кто конкретно, естественно было не разобрать.

Решив не связываться, полковник, еще раз, для профилактики грозно нахмурив брови, отвернулся.

– Становись, – лениво скомандовал Катков. – Разберитесь, наконец, там, господа офицера!

Гомон и шевеление в рядах под пристальным взглядом полковника постепенно прекратились.

– Равняйся! Смирно!

Дождавшись полной тишины, гаркнул тот и, удовлетворенно обзрев замерший в молчании перед ним строй, уже на пол тона тише подал следующую команду:

– Вольно! Командирам подразделений доложить о наличии личного состава!

– Раз, два, три... – пошел вглубь строя Мордашка, отсчитывая враз изломавшиеся шеренги научного управления. – Разберитесь, что, до трех считать не умеете? Четыре, пять, шесть, семь, восемь...

«Много нас, однако, сегодня набралось», – удивленно подумал про себя Максим, прислушиваясь к подсчету. Обычно на службу за один раз появлялось не больше двух десятков наукообразных, как их за глаза, да и в глаза называли в части. Сегодня, видимо, по случаю начинающихся учений, явка была практически сто процентной. Реально научное управление состояло по списку из сорока девяти офицеров, в основном старших, капитаны были чрезвычайно редки, а лейтенанты каким-то образом затесавшиеся в стройные ряды научных кадров вообще считались явлением уникальным. Наверное, это было правильно. Считалось, что прежде чем начать двигать вперед отечественную военную мысль, офицер должен был доказать, что этого достоин. Почему доказывать приходилось не созданием научных трудов, или каких-нибудь там изобретений, а, исполняя роль надсмотрщика при бойцах испытательных групп, уборщика закрепленной территории, мастера по всевозможным ремонтам монтажно-испытательных корпусов и тому подобными бытовыми подвигами, Максим понять не мог. Но наверняка, как и во всех необъяснимых, с точки зрения логики, проявлениях закоренелой военной мысли, какой-то непостижимый резон во всем этом был. «А у меня здесь вообще много чего есть неподвластного обычному разуму!» – эту фразу культового киногероя вполне можно было бы вложить в уста министру обороны, и для любого кадрового военнослужащего она звучала бы вполне органично. В результате пополнением научных отделов оказывались обычно люди, поднаторевшие во всевозможных авралах, ремонтах, изготовлении стендов и документации установленного образца и прочей характерной для любой военной среды «борьбы за живучесть», но абсолютно не сведущие в таких мелких и малоинтересных материях, как научный анализ и теория стрельбы зенитными ракетами. Эти мелочи, если и изучались когда-то в училищах за время конкурсного отбора, показавшего их нулевую практическую ценность, были прочно забыты. Зато было четкое ощущение собственной значимости и заслуженности, а как же, они добились своего, выиграли конкурс на перевод «в науку» дальше служба должна была катиться сама, доставляя служивому одну лишь радость и всевозможные приятные ощущения, впереди был только отдых. Еще бы, ведь в научном управлении напрочь отсутствует уже вусмерть задолбавший личный состав по призыву, который, как известно «куда не целуй, всюду будет задница». В науке только стол, стул и иногда сейф с документами. Все! Зато должности начинающая с категории «майор», зато тарифные разряды выше на три-четыре позиции. Лафа! Молоч-

ные реки и кисельные берега! Переломить подобный настрой и заставить новое приобретение работать, порой, было задачей титанической, а иногда и вовсе невыполнимой.

Но даже не это являлось главным бичом научного управления. Гораздо больше портили крови различные прикомандированные по высочайшему повелению кадры. Начальники из Главного штаба полигона быстро приладились поощрять своих особо доверенных помощников, направо и налево раздаривая им научные синекюры. Такой офицер, будучи формально назначен на должность старшего научного сотрудника, начальника лаборатории, а то и начальника отдела, реально на своем рабочем месте не появлялся, продолжая исполнять прежние обязанности холуя при монаршей особе. Зато в полном объеме получал гораздо более высокую зарплату, положенную за работу в научном подразделении. Таких здесь иронично называли «варягами» и ненавидели бессильной, тихой ненавистью. Еще бы, ведь сколько достойных, грамотных офицеров было лишено возможности вовремя получать звания и должности, продвигаться вверх по служебной лестнице благодаря таким вот «нужным людям», повешенным на управление, тянущим ко дну балластом.

Когда Максим сам еще только пришел на службу «в науку», управление насчитывало почти сотню офицеров. Сейчас оно поредело практически вдвое. Нагрузки при этом ничуть не уменьшились, даже возросли. Пережив неустроенные послеперестроечные и голодные ранне-демократические времена, военно-промышленный комплекс страны, постепенно поднимался с колен, и хоть и не достиг пока прежних объемов, но ощутимо набирал обороты, увеличивая производство серийной техники и даже начал разработку новых перспективных образцов. А любое вновь созданное изделие, прежде чем попасть на вооружение в войска, просто обязано было вначале пройти испытания. Испытания проводили на Четвертом Центральном Межвидовом Полигоне. Где же еще? А все зенитные ракеты входивших в моду с началом по всему миру высокотехнологичных воздушных войн переносных зенитно-ракетных комплексов «Игла», «Игла-Н» и «Игла-С» испытывала лаборатория подполковника Чубукова. Кому же еще? И вкалывать приходилось порой по шестнадцать часов в сутки без выходных и проходных, за такую же зарплату, как платят дворнику в Москве.

Меж тем построение на рампе шло своим чередом, командиры подразделений браво доложили полковнику Каткову о том, что у них все люди на лицо, а незаконно отсутствующих, разумеется, нет. Еще бы, какой командир захочет выносить сор из избы и рассказывать начальству, что тот или иной подчиненный ему офицер не явился вовремя по тревоге? Это же считай самого себя закладывать, раз у тебя офицеры опаздывают на построение, значит, хреновый ты командир, не можешь людьми руководить... Начальство такой вывод сделает моментально, а нам это надо? Нет, нам это не надо, так что лучше уж потом отдельно разобраться с неприбывшими, наверх лишний раз не докладывая. Тем временем эти самые незаконно отсутствующие то и дело появлялись из кустов и, не слишком-то скрываясь, благополучно просачивались в строй. Ну, недостаточно еще развит таксопарк в городе, недостаточно. Не бегом же теперь по морозу три километра до рампы скакать! За такие деньги, пусть министр обороны сам бегаёт!

Наконец доклады командиров подразделений и напутственные слова заместителя командира части закончились. Теперь полковник обращался непосредственно к строю:

– На этом будем считать первую часть учебного занятия по подъему по тревоге законченной. Все проявили должную организованность, своевременно прибыли к месту сбора, – тут он саркастически хмыкнул, показывая, что вялые потуги опоздавших остаться незамеченными не прошли, но заниматься ими сейчас полковник считает ниже собственного достоинства. – Цель занятия, считаю достигнутой на «удовлетворительно». Командиры подразделений, личный состав в вашем распоряжении.

Конец речи полковника потонул в общем гомоне и перетоптываниях с ноги на ногу. Стоявшая справа от «науки» штабная коробка мгновенно развалилась и спуталась, испытательная база слева тоже не страдала излишней организованностью. «Наукообразные» вяло закопоши-

лись, зашарили по карманам в поисках сигарет, задвигались, согревая озябшие ноги. Но практически мгновенно были остановлены повелительным окриком Мордашки:

– Становись!

– Ну зачем? – с глубоким вздохом отозвался кто-то в строю. – Чего еще надо?

Делая вид, что не слышит, начальник управления продолжал, упиваясь командирским звучанием собственного голоса:

– Внимание, управление! Все находятся здесь, разрешаю курить! Разойдись!

– А куда, по его мнению, мы могли бы пойти? – недовольно оглядываясь на замерший на рельсах мотовоз с запотевшими стеклами, буркнул себе под нос Максим.

– Да мало ли куда?! – тут же подхватил оказавшийся рядом начальник смежной лаборатории, занимавшейся испытаниями ракет комплексов «Тор», «Оса» и «Тунгуска». – Вдруг ты сейчас развернешься и домой потопаешь, без команды. А так все ясно. Быть здесь, никуда не уходить.

– Вот скажи мне, Виталь, – постепенно заводясь, начал Максим. – Может я чего-то не понимаю...

Начлаб два тут же с готовностью покивал наголо обритой лобастой башкой, показывая, что с таким утверждением он полностью согласен и его коллега элементарно может чего-то не понимать.

– Что ты головой крутишь? – не дал сбить себя с толку Максим. – Просто скажи мне, даже гипотетически, что должно случиться в мире, чтобы понадобилось вдруг срочно по тревоге поднять научно-испытательный центр?

– Что ты ко мне привязался? – резонно сбил его горячность Виталик, напуганный слишком сложным для него словом «гипотетически». – Иди вон у Пети спроси, или у Мордашки...

– Нет, – все еще кипятился Максим. – Просто у меня в голове не укладывается, на хрен весь этот цирк. К чему нас готовят? Что должно реально произойти, чтобы меня надо было срочно выдернуть из постели?

– Третья Мировая, например, – небрежно бросил, попыхивая сигаретой, подошедший откуда-то сзади Петрович.

– Третья Мировая? И что? В случае войны, моя задача усиленно в три смены проводить испытания партий ракет изготовленных для фронта. В первый день войны они не придут! Понимаешь? Не придут! Физически! Какого хрена, тогда я сломя голову должен мчаться на службу. Да вообще большие сомнения берут, что меня смогут туда доставить. Ты не заметил, что все тревоги проходят так, чтобы мы оказались здесь ко времени отправки мотовоза. Знаешь почему? Да потому, что хоть наш поезд и военный, а часть пути до площадок он проходит по железке, принадлежащей МПС, подчиняясь их расписанию в определенное окно. Хрен выйдет, поехать раньше или позже. Если бы не это, штабные умники наверняка изобрели бы на нашу голову еще и ночные тревоги с выездом. Так вот, когда начнется Третья Мировая, мы припрямся на эту рампу среди ночи, сядем в вагоны и будем стоять на первой же стрелке до положенного времени. Три к одному так и будет!

– Да ладно, чего ты так разволновался! Проще смотри на эти вещи! – улыбнулся Петрович. – Ты же в армии, так что расслабься и получай удовольствие.

– Да надоело, проще смотреть! Сколько можно играть в солдатиков, заниматься непонятной ерундой. На кой хрен вообще выдумали всю эту боевую подготовку для научных подразделений? Как всегда, микроскопом гвозди забивать?!

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, – благодушно парировал Петрович. – Не нравится, увольняйся...

– Щас! Сначала пенсию и квартиру, за бесцельно потраченные годы!

– Вот как? Тогда терпи и не жалуйся.

– Нравится тебе в армии? – хитро подмигнув, задал традиционный вопрос Виталик.

– Нравится, отвяжись!

– А что тебе больше всего нравится? – не отставал второй начлаб.

– Чуткие, отзывчивые люди вокруг! – буркнул Максим, делая вид, что внезапно увидел кого-то, с кем срочно должен переговорить, и отходя от радостно гогочущих ему вслед товарищей. Бушевавшая внутри иррациональная злость срочно требовала выхода, и он боялся наговорить совершенно невиноватым в происходящем друзьям гадостей. «В отпуск тебе пора, дядя Максим. В отпуск... Что-то ты слишком бурно начал на все реагировать. Накопилась, похоже, усталость, делает свое дело». С некоторых пор подобные вроде бы безобидные на первый взгляд проявления армейского маразма, Максим переносил все болезненнее и тяжелее, всерьез задумываясь, порой о том, чтобы окончательно порвать с доставшими его Вооруженными Силами. Останавливала лишь весьма туманная перспектива существования специалиста по испытаниям зенитных ракет на гражданке. «Вот скоро, мафия обзаведется собственной авиацией, тогда и подамся к браткам консультантом. Отсижу. Стану уважаемым человеком. Небось, в мафии тупого маразма поменьше», – горько иронизируя над собой, думал он, меряя шагами заснеженную рампу.

Несмотря на то, что несущий с собой ледяную крошку ветер ощутимо крепчал, а снег уже не хрустел, а натужно скрипел под ногами, безошибочно показывая, что мороз давно перевалил отметку в двадцать градусов ниже нуля, никто не пытался забраться в хоть как-то натопленные вагоны. Облаченная в пятнистые бушлаты толпа обреченно переминалась с ноги на ногу, нещадно дымила и вяло переругивалась между собой. Посадка по вагонам теперь осуществлялась не как раньше по мере прибытия, а лишь после специального построения, инструктажа старших вагонов, назначения дежурных и прочих сколь утомительных, столь и бесполезных с практической точки зрения процедур. Однако данный ритуал был изобретен лично начальником полигона генералом Мазуром и ежедневно четко контролировался его заместителями. Максим в первое время после этого нововведения часто задавался вопросом, неужели заместители начальника полигона настолько ничем не занятые и в принципе ненужные люди, что у них находится время на ежедневные выходы на рампу, с целью посмотреть построились ли там убывающие подразделения. Полигон существовал аж с сорок четвертого года прошлого века, все эти годы испытатели ездили в мотовозах сами по себе, абсолютно бесконтрольно, и никогда ничего не случалось. А вот теперь очередному РВСНовскому выкормышу, прибывшему сюда за генеральской звездочкой на погон, приспичило внести свою лепту в этот неизменный порядок. И больше тысячи умственно здоровых, вполне адекватных офицеров вынуждены ежедневно просыпаться на полчаса раньше, в стужу и жару строиться перед вагонами, чтобы выслушать поучения о том, как следует себя вести в дороге от тех, кто никогда сам в грязном, лишенном света и тепла вагоне не ездил и не поедет. Бред! Бред!

Ноги совсем заledenели в ботинках с высокими берцами, превратившись в два онемевших деревянных протеза. Такое возможно, наверное, лишь в родной Российской Армии, чтобы военнослужащий ходил в одной и той же обуви и в тридцатиградусный мороз и в сорокоградусную жару, вот уж где действительно «зимой и летом одним цветом». Соблазнительно дымящий вагон стоял совсем рядом, казался самым желанным местом в мире, манил, обещая тепло. Но по рампе настороженно зырякая на волнующуюся в десятке метров толпу мерно расхаживали комендантские патрули, специально назначенные следить, чтобы кто-нибудь не проник в вагоны раньше времени, тоже посиневшие от холода, но исполненные непреклонной решимости выполнить поставленную задачу. В итоге столь масштабных мер, принятых к упорядочиванию и соблюдению безопасности при посадке, в вагоны реально приходилось грузиться за оставшиеся до отправления после инструктажей и построений две-три минуты, толкаясь, давя друг друга, норовя столкнуть кого послабее под колеса. Жди несчастного случая. Однако об этом старались помалкивать, чтобы не дай бог не дошли жалобы до полигонного начальства. Умудренные долгим опытом службы офицеры, предчувствовали заранее,

какие меры предпримет командование для выправления ситуации. Нет, дебилы построения никто, конечно, не отменит! Что вы, это же не наш метод! Гораздо правильнее будет начать строить людей пораньше, за час до отправления к примеру. Для того чтобы осталось больше времени на посадку. Это же так логично, само напрашивается. А что? Если офицер прибывает со службы в восемь вечера, то вполне может построиться в семь утра у него и так остается целых одиннадцать свободных часов. Даже пусть он восемь из них спит, остального времени и так девать некуда, а самое страшное, что оно проходит бесконтрольно, вне службы и чуткой заботы командиров. Вот в это время, оставленный без присмотра офицер, как правило, и находит приключения на свою задницу: напивается, устраивает драки с гражданским населением и собственными домочадцами, попадает в дорожно-транспортные происшествия и творит прочие пакости, о которых в РВСН принято тут же докладывать начальству с соответственным разбором полетов и наказанием самих отметившихся и их командиров. Так что, чем меньше у офицера свободного времени, тем лучше. Дай генералам волю, так они вообще в казармы переселят, под неусыпный контроль. РВСН – ядерный щит родины! Это вам не цапки, здесь все серьезно!

– Становись! – зычно полетела над рампой долгожданная команда.

Пятнистые фигуры шумно задвигались, ровняя ряды, наконец, начиналась последняя заключительная часть марлезонского балета. Если пережить ее, то разрешат все же забраться в пусть относительное, но все же тепло купейного вагона.

По рампе в сопровождении военного коменданта важно вышагивал начальник штаба полигона генерал-майор Головачов. Сегодня контролировал посадку и инструктировал старших вагонов он. Невысокий, но коренастый, облаченный в отличие от остальных офицеров в теплый, не имеющий ничего общего с установленной военной формой, бушлат на синтепоне, хрустящий при каждом шаге болоньевым верхом, генерал исподлобья мрачно оглядывал заиндевшие непроизвольно вздрагивающие в строю подразделения, презрительно оттопыривал нижнюю губу и что-то цедил сквозь зубы почтительно кивавшему в ответ коменданту. Замершие вдоль вагонов патрульные вытягиваясь по стойке «смирно» отдавали шествующему мимо генералу воинское приветствие, тот их усилий демонстративно не замечал. Генерал-майор Головачов, как впрочем, и все руководство полигона, никакого отношения к испытаниям военной техники никогда раньше не имел, не желал иметь и теперь. Офицеров научных отделов он искренне презирал и ненавидел, считая ловко устроившимися бездельниками. Вдаваться в то, чем они занимаются, зачем существуют и почему Родина дает им более высокие зарплаты и звания, чем их коллегам в войсках, генерал считал ниже своего достоинства, любого имеющего отношение к науке офицера через губу обзывая «осциллографом». Причем мог легко посадить любого ученого в лужу простотой своей военной логики и неряшливо крестьянскими манерами в общении.

– Кто твой прямой начальник, папуас? – доброжелательно и по-свойски обращался он к замершему перед ним, будто кролик перед удавом офицеру.

– Полковник Мордашка, – браво выпаливал, преданно тараща глаза «ученый».

– Не-е... – хитро улыбаясь, крутил пальцем у него перед лицом генерал. – Ты мне доложи, кто по уставу является твоим прямым начальником.

Загруженный по самое не могу спецработами, несчастный научный сотрудник последний раз открывал устав еще в училище, да и тогда если честно такие вопросы как определения прямых и косвенных начальников его интересовали крайне мало. Обычно, если военнослужащий не полный идиот, он прекрасно знает, кому подчинен, а кому не очень. Так же он, как правило, на практике легко отличает шеренгу от колонны, а одношереножный строй от двухшереножного, хотя не всегда умеет дать этим простым и понятным вещам правильное толкование, вбитое в устав каким-то штабным умником. В итоге пойманный с поличным «ученый»

начинал что-то бляеть явно не попадал, а торжествующий победу генерал добивал его по всем законам тактики и стратегии:

– А кто является для тебя начальником по воинскому званию? Э-эх, осциллограф! Что такое строевая стойка? Когда она принимается? Что такое двухшереножный строй? Что такое ряд? Сколько звездочек на погоне у полковника?

Совершенно обалдевший от предыдущего разноса, полностью раздавленный «научный деятель», услышав, наконец, вопрос на который наверняка мог дать правильный ответ во все горло вопил:

– Три!

– Смотри в штаны не настри! – довольно хрюкал генерал.

После чего переходил к следующей части беседы:

– У тебя тарифный разряд, какой?

– Восемнадцатый, – стонал научный сотрудник, всем сердцем ощущая, что наверняка зря появился на свет.

– Восемнадцатый! – значительно тыкал пальцем в небо генерал. – Как у командира дивизиона! Понимаешь? Дивизиона! А ты за такие деньги не знаешь, что такое строевая стойка, не знаешь, сколько сосков должно быть в умывальнике казармы, не знаешь, на какой высоте вешается в спальном расположении термометр! Как такое может быть?!

Научный сотрудник с училищных времен не бывавший в казарме, никогда не имевший никакого отношения к солдатам по призыву, чувствовал, как его буквально физически размазывает по полу. Он мог, конечно, попытаться рассказать о том, что лично провел боевых пусков ракет больше, чем генерал их видел за всю свою жизнь, о том, что изучил баллистику и аэродинамику, коротко знаком с биквадратными уравнениями и теорией полета управляемых зенитных ракет, что деньги ему платят вовсе не за то, чтобы вешать термометры на заданную высоту, а загружать лишней не имеющей никакой практической ценности информацией мозг вряд ли целесообразно. Но подобная дерзость в РВСН вещь невозможная, в принципе не допустимая, потому как тот, у кого на погоне большие звезды априорно является существом высшим, и не может ошибаться. А раз так, то, если высшее существо заявляет тебе, что ты говно, то остается лишь молча с этим согласиться, и не усугублять своей строптивостью ситуацию.

– Понял теперь, осциллограф? – торжествовал генерал.

– Понял, – покаянно потупив глаза, чтобы «уважаемый» начальник не дай Бог не прочел всего, что о нем в данный момент думают, отвечал «ученый».

С чем, как правило, и бывал отпущен на покаяние, ежели у генерала выпадало хорошее настроение. Надо отдать Головачеву должное, в плохом настроении он бывал редко. Еще бы, что может испортить настроение человеку точно знающему сколько сосков должно быть в умывальнике и сколько очек в туалете, разве что Мировая война, да и то вряд ли. . .

– Разойдись, зайти в вагоны! – полетела над окоченевшим строем долгожданная команда.

В этот раз, против обычного подали ее аж за пять минут до отхода поезда. Можно было особо не спешить, но задубевшие на морозе люди, привычно ломанулись на штурм вагонов. Замершие у дверей дежурные с красными повязками нарочито бодро покрикивали:

– Предъявляем на входе билеты! На линии работает контроль!

Дежурную шутку встречали дежурным же смехом, так повторялось изо дня в день, и все воспринимали эти нарочито строгие вопли как должное. Рассказывали, правда, поросшую уже былинным мхом историю, о том, как некий лейтенант, ежедневно брал у супруги деньги, якобы на проезд в мотовозе, добросовестно покупая на них по бутылочке пивка после трудного рабочего дня. Со временем запросы росли, и цены на мотовозный билет повышались. До тех пор, пока возмущенная супруга не прорвалась на прием к начальнику полигона и не заявила ему в запале, что будет жаловаться самому министру обороны, если тот не прекратит драть с военнослужащих по три шкуры за проезд на службу. Вконец обалдевший от этой речи генерал

долго не мог понять в чем дело, а поняв, следуя стандартной военной логике, лишил виновника торжества всех премий и тринадцатой зарплаты, враз пробив в бюджете лейтенантской семьи такую дыру, что муж мог на эти деньги до конца службы ездить в «платном» мотовозе. «Видишь, дура, что ты наделала? – с достоинством заявил лейтенант супруге. – Будешь знать, как генералам жаловаться!» Той оставалось лишь согласиться, что тут скажешь, ведь по определению баба дура не потому, что дура, а потому что баба.

Наконец расселись по местам, бушлаты снимать никто не спешил, если после уличного дубака и показалось, что в вагоне тепло, то это впечатление быстро улетучилось. Умудренные опытом офицеры знали, что по определению тепло может быть лишь в штабном вагоне железнодорожников и в последнем, где ездил учебный центр, в нарушение всех РВСНовских инструкций посадивший истопником солдата срочника. Боец пока еще не придембелел в достаточной степени и толкать уголек налево не спешил, справедливо опасаясь немедленной расправы со стороны замерзших офицеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.